«ШИРВИНТЪ»

1/14-го АВГУСТА 1914 г.

ЛЕЙБЪ ДРАГУНЫ ДОМА И НА ВОЙНѢ

ВЫПУСКЪ II.

1-го АВГУСТА 1929 г.

ПАРИЖЪ

«ШИРВИНТЪ»

1/14-го АВГУСТА 1914 г.

ЛЕЙБЪ ДРАГУНЫ ДОМА И НА ВОЙНѢ

ВЫПУСКЪ II.

1-го АВГУСТА 1929 г.

ПАРИЖЪ

ЭР

ЗА ЧЕСТЬ ПОЛКА

(Въ память 50-лѣтія боя подъ Новачиномъ)

9 ноября 1877 г. въ городѣ Враца, гдѣ находился бивакъ 2-ой Гвардейской Кавалерійской дивизіи, отъ Генералъ-Адъютанта Гурко была получена диспозиція, по которой Конно - Гренадеры и Лейбъ - Драгуны со 2-ой гв. кон. батареей, 10 ноября, должны были демонстрировать противъ деревень Лютакова и Новачинъ, въ то время, какъ пѣхота отряда Ген.-Адъютанта графа Шувалова должна была атаковать Правецкую позицію турокъ. Вслѣдствіе отчаяннаго состоянія ущельныхъ дорогъ, которыя вели къ вышеназваннымъ пунктамъ, вр. ком. дивизіей быв. ком. Лейбъ-Драгунъ Ген. Леоновъ (настоящій начальникъ дивизіи Ген. Гурко командовалъ временно передов. отрядомъ) рѣшилъ отправить въ экспедицію только по 3 эскадрона отъ каждаго изъ указанныхъ полковъ, съ 6 ор. 2 гв. кон. бат., подъ общимъ начальствомъ К-ра I бригады Ген. Клота. Отъ Лейбъ-Драгунъ были назначены 2, 3 и 4 эскадроны; изъ 2-го эскадрона, полъ эскадрона было взято для установки постовъ летучей почты.

Ген. Клотъ распредѣлилъ свой отрядъ на двѣ группы: 3 эск. Конно-Гренадеръ, съ 4 орудіями, подъ личной командой Ген. Клота, направились на д. Лютакова, а 3 эскадрона Л.-Драгунъ съ 2 орудіями, подъ начальствомъ полковника Л.Гв. Драг. полка Лихтанскаго, должны были дѣйствовать въ направленіи на Новачинъ. Въ такомъ составѣ группы ночевали съ 9 на 10 ноября —Ген. Клотъ у м. Рашново (пройдя караулку Дербентъ), а П. Лихтанскій у этой караулки, стоявшей у развѣтвленія дорогъ черезъ ущелья, ведущія къ д. Лютаково и Новачинъ; при занятіи турками этой караулки, пути отступленія къ г. Враца, для обѣихъ группъ отряда, оказались бы отрѣзанными, что, въ случаѣ вынужденнаго отхода одной изъ нихъ къ караулкѣ, обязывало держаться у послѣдней во что бы то ни стало, для обезпеченія отхода другой.

Утромъ 10 ноября ген. Клотъ сначала далъ П-ку Лихтанскому пассивную задачу, а именно производить развѣдку противника, вступая въ бой лишь при его наступленіи, дабы не допустить его пройти къ караулкѣ, чѣмъ обезпечивать свободу дѣйствій Ген. Клота; вслѣдствіе этой задачи былъ уменьшенъ и составъ Новачинскаго отряда въ пользу Лютаковскаго, присоединеніемъ къ послѣднему 3-го эск-на Л. Драгунъ и 2-хъ орудій, такъ что въ отрядѣ П. Лихтанскаго осталось лишь полтора эскадрона (полъ эс. № 2 и № 4 эск.), въ количествѣ всего 135 драгунъ, при 12 офицерахъ, считая и П-ка Лихтанскаго.

Но когда Новачинскій отрядъ рано утромъ 10 ноября уже вошелъ въ ущелье, его догналъ кон. арт. офицеръ Кап. Усовъ, съ 2 орудіями и съ новымъ приказаніемъ Ген. Клота: дѣйствуя самостоя-

тельно, въ 9 ч. утра открыть арт. огонь противъ Новачинскихъ укрѣпленій и поддерживать боевое соприкосновеніе съ турками до 3 ч. дня, послѣ чего, если непріятель не будетъ препятствовать, отходить къ караулкѣ Дербентъ. Но 3-ій эск. Л. Драгунъ п-ку Лихтанскому при этомъ возвращенъ не былъ и, такимъ образомъ, увеличивъ огневую силу Новач-го отряда, Ген. Клотъ, живую силу не только не увеличилъ, но уменьшилъ, т. к. изъ имѣвшихся полутора эскадроновъ, надо было выдѣлить еще и прикрытіе къ орудіямъ; между тѣмъ, казалось бы естественнымъ, придавая такому маленькому отряду артиллер. взводъ, увеличить и живую силу, возвращеніемъ П-ку Лихтанскому 3-го эскадрона Л. Драгунъ, который былъ оставленъ цѣликомъ въ прикрытіи 4 орудій, бывшихъ въ Лютаковскомъ отрядѣ.

Утро 10 ноября было очень туманное; шли по отчаянной дорогѣ очень медленно; впередъ былъ высланъ полу-сводный эскадронъ, подъ командой кап. бар. Стемпеля (будущаго извѣстнаго Ком-ра Нарвскихъ гусаръ), при ш. кап. Гульковскомъ, пор. Тудерусѣ и пр-кѣ Зенкевичѣ.

Около 9 ч. утра отрядъ сталъ выходить въ долину, гдѣ находился гор. Орхміе.Кап. бар. Стемпель выслалъ 1 взводъ въ цѣпь наѣздниковъ для развѣдки противника, оставивъ другой взводъ въ резервѣ; п-къ Лихтанскій съ орудіями и 1 эскадрономъ, сдѣлавъ нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ въ направленіи предполагаемыхъ укрѣпленій турокъ, оставшихся безъ отвѣта, занялъ выжидательное положеніе. Туманъ не разсѣивался.

Бар. Стемпель, во главѣ своихъ наѣздниковъ,

двинулся рысью къ неяснымъ очертаніямъ горъ, гдѣ предполагались укрѣпленія турокъ.

У д. Скривены, на возвышенности показалась кучка конныхъ турокъ. Ун. оф. Подопригора бросился съ нѣсколькими наѣздниками въ атаку и скрылся за горкой, а черезъ нѣсколько времени вернулся съ 3-мя плѣнными и 3-мя мулами, навьюченными частями лафета горнаго орудія, но, т. к. самого орудія не было, то кап. Стемпель, скомандовавъ «за мной впередъ!», поскакалъ, чтобы отбить и вьюкъ съ орудіемъ. Когда всѣ наѣздники скрылись за горой, имѣя укрѣпленія турокъ вправо отъ себя (откуда никакого огня пока не было), турки, выйдя изъ одного изъ укрѣпленій во флангъ драгунамъ Стемпеля, открыли по нимъ сильный ружейный огонь. Стемпель немедленно бросился съ наѣздниками на эту турецкую цѣпь и атаковалъ ее: восемь человѣкъ взяли въ плѣнъ, 40 изрубили, а остальные скрылись; атака 24 драгунъ была настолько стремительна, что у Л. Драгунъ потерь не оказалось, кромѣ раненой лошади (штыкомъ въ ноздрю).

Кромѣ плѣнныхъ были захвачены три повозки съ патронами и хлѣбомъ — все это, подъ конвоемъ, было отправлено въ тылъ. Едва кап. Стемпель успѣлъ снова выдвинуть наѣздниковъ впередъ, какъ изъ дер. Скривены показались, видимо, передовыя группы черкесъ; Стемпель, вызвавъ резервную часть наѣздниковъ, бросился на нихъ въ атаку, но атака принята не была и черкесы скрылись въ д. Скривены, открывъ оттуда ружейный огонь. Наѣздники стали медленно отходить назадъ, наблюдая за д. Скривены. Въ это время ожили укрѣпленія на склонахъ горъ и Л.-Драгуны стали обстрѣ-

ливаться съ фланга артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ пѣхоты, причемъ съ фронта изъ д. Скривены стали медленно надвигаться конные черкесы, коихъ оказалось не менѣе 800 человѣкъ. Наѣздники кап. Стемпеля отходили шагомъ, не неся потерь, т. к. пули летѣли черезъ головы (лишь одинъ ун. оф. былъ контуженъ и одной лошади перебило ногу). Къ 11 ч. утра, наѣздники дошли до главной части отряда п. Лихтанскаго, который подошелъ ближе и занялъ позицію передъ д. Новачинъ, выславъ вправо, въ горы, прикрывающую группу, которая спѣшилась на склонахъ горъ. Въ общемъ въ главныхъ силахъ оставалось около полу эскадрона, служившаго какъ бы прикрытіемъ къ двумъ орудіямъ. Подошедшихъ наѣздниковъ кап. Стемпеля полк. Лихтанскій выслалъ на свой правый, менѣе обезпеченный мѣстностью, флангъ, для наблюденія за возможнымъ движеніемъ черкесовъ въ обходъ отряда. Былъ уже первый часъ дня, туманъ окончательно поднялся и турки, увидя малочисленность отряда русскихъ, перешли въ наступленіе: къ Новачину стала спускаться съ горъ густая цѣпь пѣхоты, а на лѣвый флангъ, прикрываемый наѣздниками Стемпеля, стали насѣдать конные черкесы, открывая съ коня ружейный огонь; въ то-же время начался огонь изъ 2-хъ горныхъ орудій.

Прикрытіе праваго фланга, частью было притянуто къ отряду, для усиленія главныхъ силъ, а Стемпелю приказано удерживать натискъ черкесъ, подошедшихъ на 400 шаговъ. П. Лихтанскій безпокоясь, что черкесы прорвутся къ караулкѣ, въ Новачинское ущелье и, считая что задача отвлеченія вниманія противника на себя выполнена — рѣшилъ отступить въ ущелье, гдѣ легче было бы

такому маленькому отряду, дать отпоръ несравненно сильнѣйшему противнику. Но въ то-же время въ ущелье бросились обозы болгарскихъ бѣженцевъ, изъ Скривенъ и Новачина, чѣмъ еще болѣе затруднили отходъ отряда. Передъ входомъ въ ущелье орудія снова снялись съ передковъ и открыли огонь, помогая наѣздникамъ Стемпеля удерживать и неоднократно отбрасывать черкесъ конными атаками и огнемъ спѣшенныхъ группъ, которыя затѣмъ опять насѣдали. Полк. Лихтанскій, видя трудное положеніе наѣздниковъ, подавалъ сигналъ «аппель», отзывая ихъ къ отряду, но чувствуя, что они не могутъ выйти изъ боя, усилилъ ихъ взводомъ, подъ командой присоединившагося къ отряду, по собственной просьбѣ полкового адьютанта прапорщика Данилевскаго, съ прикомандированнымъ къ полку кирасиромъ Его Величества графомъ Толстымъ. Усиленный этимъ взводомъ и неоднократно поддерживаемый мѣткимъ огнемъ орудій кап. Усова, нѣсколько разъ снимавшихся съ передковъ при отступленіи, кап. Стемпель удачно сдерживалъ натискъ черкесъ, но положеніе съ каждой минутой все-же становилось труднѣе; какъ Л.-Драгуны, такъ и Конно-Артиллеристы стали нести большія потери. Видя, что положеніе отряда становится критическимъ, П. Лихтанскій посылалъ донесеніе за донесеніемъ ген. Клоту, надѣясь, что при своевременной помощи, удастся отбросить нестройную, хотя и многочусленную, толпу черкесъ, но когда къ черкесамъ подошла пѣхота отъ д. Новачина, а отъ д. Лютаково, по сообщенію ген. Клота, на Новачинскій отрядъ стали спускаться съ горъ стрѣлковыя цѣпи, Лихтанскій рѣшилъ втягиваться въ ущелье для спасенія орудій и защиты караулки,

причемъ нѣсколько спѣшенныхъ драгунъ были посланы на скалы для обстрѣла турокъ съ фланга и сверху.

Наѣздники кап. Стемпеля, отходя, то спѣшивались небольшими группами и обстрѣливали черкесовъ, то, когда они слишкомъ приближались, садились на коней и бросались въ атаку, все время неся потери. Въ одной изъ такихъ атакъ, раненъ былъ самъ Стемпель, но остался въ строю.

Дорога въ ущельѣ прорѣзалась нѣсколькими оврагами, черезъ которые были перекинуты очень непрочные бревенчатые мостки; арбы бѣгущихъ болгаръ ихъ еще больше расшатали. Передъ первымъ мостомъ, на послѣдней артиллерійской позиціи, съ которой кап. Усовъ мѣткимъ огнемъ отбросилъ на нѣсколько минутъ конныхъ черкесовъ, самъ онъ былъ тяжело раненъ и вывезенъ изъ боя драг. Крамаренко. Воспользовавшись скопленіемъ людей передъ мостомъ, черкесы и пѣхота усилили огонь и напоръ. Подъ кап. Стемпелемъ убита лошадь. Др. Шналецъ немедленно отдалъ ему свою и сейчасъ же самъ былъ убитъ. Въ это время на косогорѣ у второго обрыва опрокинулось одно изъ орудій и все движеніе остановилось; черкесы бросились впередъ, желая захватить орудіе. Стемпель, успѣвъ посадить спѣшенныхъ драгунъ, бросился въ конную атаку, которую черкесы не выдержали и отхлынули, и драгуны гнали ихъ до перваго оврага. Атака эта стоила дорого: бар. Стемпель и прап. Зенкевичъ тяжело ранены и оставили цѣпь (Зенкевича спасъ трубачъ Богомоловъ), Данилевскій раненъ въ лѣвую руку; ш.-к. Гульковскій и пор. Свищевскій сильно контужены; прап. Назимовъ уцѣлѣлъ, изрубивъ трехъ черкесъ, — на четвертомъ

разлетѣлся клинокъ. Отрядъ медленно продвигался къ караулкѣ; чтобы очистить путь для орудій, приходилось сбрасывать въ пропасть болгарскія арбы. Арьергардъ (наѣздники) слился съ прикрытіемъ орудій. П. Лихтанскій руководилъ отходомъ, командуя и артил. взводомъ, оставшимся безъ своего офицера; зарядный ящикъ былъ отправленъ раньше съ контуженнымъ кап. Мейнандеромъ. Наконецъ на одномъ изъ мостовъ одно орудіе оборвалось и повисло надъ пропастью; артиллеристы съ драгунами, спѣшившись, пытались вытащить его; снова остановка — черкесы насѣли на 50 шаговъ. Здѣсь раненъ пр. Назимовъ, подъ нимъ же убита лошадь, также, какъ и подъ прап. Вегинскимъ. П. Лихтанскій, видя, что орудіе вытащить не удается, приказалъ сбросить его съ кручи, тѣмъ болѣе, что большинство артил. лошадей было убито, а остановка и скопленіе людей давали благодарную цѣль и ряды лейбъ-драгунъ быстро рѣдѣли... Сбросивъ одно орудіе, благополучно перетащили второе, но почти сейчасъ-же и оно остановилось, вслѣдствіе смертельнаго раненія лошадей. Л.-драгуны снова бросились въ конную атаку на насѣвшихъ черкесъ; безлошадные п-ки Вегинскій, Назимовъ и Данилевскій (оба послѣдніе сильно раненые) влѣзли на щиты, но уже эта послѣдняя атака кучки драгунъ не могла остановить натиска массы конныхъ черкесовъ и какъ атакующіе, такъ и орудіе было окружено и началась рукопашная схватка.

Эта послѣдняя попытка спасти орудіе кучкой уцѣлѣвшихъ драгунъ съ сидящими на передкѣ и лафетѣ тремя уже ранеными офицерами, конечно, никакого шанса на успѣхъ не имѣла — слишкомъ велики были силы противника, но бросить орудіе

и спасти свои жизни, что было возможно, не позволило чувство чести и сознаніе необходимости сдѣлать все, дабы никто не могъ обвинить Л.-Драгунъ въ неиспользованіи всѣхъ средствъ и мѣръ для спасенія орудій. Честь полкового штандарта, честь мундира заставили Л.-Драгунъ забыть о сохраненіи собственной жизни и своею кровью они спасли честь полка: всѣ бывшіе у орудія и Л.-Драгуны и Конно-Артиллеристы, во главѣ съ тремя юношами офицерами, съ остервенѣніемъ защищавшихъ орудіе, были изрублены черкесами...

Пока шла борьба за орудіе, чѣмъ задержалось продвиженіе пр-ка впередъ, П. Лихтанскій приказалъ всѣмъ, у кого остались патроны, быстро занять караулку, для организаціи ея обороны, чтобы не дать черкесамъ возможности отрѣзать путь отступленія Лютаковскому отряду. Всего, съ конвоемъ, оставленныхъ ранѣе у караулки вьюковъ, собралось около 25 человѣкъ (бывшіе въ дозорахъ и на флангѣ, на скалахъ присоединились позже). Всѣ попытки черкесъ прорваться къ караулкѣ были отбиты ружейнымъ огнемъ. Черезъ полъ-часа послѣ отхода черкесъ, удовлетворившихся захватомъ орудія, подошелъ, сначала 3-ій эскадронъ Л.-Драгунъ (бывшій въ прикрытіи орудій Лютаковскаго отряда), а затѣмъ прибылъ ген. Клотъ, съ 1 эскадрономъ Конно-гренадеръ, но несмотря на то, что ген. Клотъ сейчасъ же, лично повелъ эти 2 эскадрона впередъ — нагнать черкесъ не удалось. Попытка спасти орудія (т. к., собственно говоря, съ началомъ отступленія къ ущелью, всѣ дѣйствія отряда сводились къ спасенію орудій), стоила очень дорого: изрублены на самомъ орудіи прап-ки Данилевскій, Назимовъ, Вегинскій, тяжело ранены кап.

Стемпель, кап. Усовъ и пр. Зенкевичъ, контужены: кап. Мейнандеръ, ш.-к. Гульковскій, пор. Свищевскій и гр. Толстой; Л.-Драгунъ убито 42, ранено 20, лошадей убито 47, ранено 22 и 6 офицерскихъ; въ арт. взводѣ н. ч. убито 5 и ранено 8, лошадей выбыло 18.

Л.-Драгуны п-ка Лихтанскаго свою задачу выполнили вполнѣ: дерзкими дѣйствіями наѣздниковъ привлекли на себя турецкую пѣхоту и черкесскій полкъ со стороны Працена и турецкую пѣхоту со стороны Лютакова, чѣмъ облегчили дѣйствія отрядовъ гр. Шувалова и ген. Клота; отрядъ сдѣлалъ также все для спасенія орудій и отстоялъ своими ничтожными силами караулку (путь отступленія ген. Клота).

Это несчастное, какъ его часто называютъ, въ смыслѣ огромныхъ потерь, дѣло дало одну изъ доблестнѣйшихъ страницъ исторіи полка и создало ему заслуженную славу, какъ примѣръ блестящаго исполненія долга и самопожертвованія. Послѣ боя, согласно воинскимъ правиламъ, немедленно было произведено самое тщательное разслѣдованіе вопроса потери орудія и слѣдственной комиссіей, подъ предсѣдательствомъ ком-ра Гродненскаго Гусарскаго полка Принца Саксенъ - Альтенбургскаго, Герцога Саксонскаго было установлено, что Л.-Драгуны доблестно исполнили свой долгъ во всѣхъ отношеніяхъ и своими жертвами въ борьбѣ съ неизмѣримо превосходными силами прот-ка спасли честь своего полка! Объявляя о заключеніи слѣдственной комиссіи въ приказѣ по полку 15 ноября 1877 г., командиръ полка Св. Его Вел. Ген.-маіоръ Ковалевскій писалъ: «Такимъ образомъ, всѣ чины полка пусть знаютъ, что 2 и 4 эскадроны, до-

блестно сражались за честь полка, что дѣло подъ Новачиномъ обязываетъ лишь насъ вспомнить въ первомъ же сраженіи о необходимости безпощадно отомстить врагу за смерть многихъ нашихъ товарищей!» Затѣмъ въ приказѣ отъ 16 ноября, было объявлено, что «пріѣхавшій отъ ген. Гурко ординарецъ Ш.-Р. Баумгартенъ, передалъ слова Его Превосходительства, что по прочтеніи реляціи о дѣлѣ драгунъ подъ Новачиномъ, 10 ноября, онъ пришелъ къ заключенію, что поведеніе чиновъ отряда П. Лихтанскаго было вполнѣ доблестное, несмотря на потерю орудія».

Какъ оцѣнивалъ этотъ бой Штабъ и другія части дивизіи, видно изъ нижеслѣдующихъ выписокъ изъ полев. записокъ Нач-ка Штаба П. Бунакова къ Нач-ку Штаба Отряда Ген. Гурко Генералу Нагловскому, написанныхъ непосредственно послѣ боя:

Отъ 11 ноября: «Страшно опечалены всѣ мы потерею двухъ орудій; но къ счастью все, что слышу, свидѣтельствуетъ, что офицеры и ниж. чины защищали ихъ крѣпко; потери офицеровъ и ниж. чиновъ доказываютъ, что отдали орудіе, прежде пожертвовавъ собой». Отъ 13 ноября: «фактъ потери орудія ясенъ. Съ одной стороны наѣздники, подъ командой Стемпеля, ушли далеко въ Скривену и вызвали на себя полкъ черкесъ, съ другой стороны, пришлось отходить въ ущелье, въ которомъ и безъ артиллеріи нелегко было отступать благополучно... Не слыхалъ ни одного факта, свидѣтельствующаго о безпорядкѣ отступленія.

Можно навѣрно поручиться, что нравственный порядокъ былъ соблюденъ, офицеры оставались между своими частями и непріятелемъ, ибо изъ наличныхъ 12 офицеровъ, 3 убито, 3 ранено и 4 кон-

тужено; убитые пали частью отъ сабельныхъ ударовъ, ясно видныхъ на ихъ трупахъ; всѣ они пали или на лафетѣ или на зарядномъ ящикѣ. Младшій Назимовъ былъ исполосованъ сабельными ударами. П. Лихтанскій былъ также на своемъ посту, ибо первоприбывшіе раненые говорили, что онъ убитъ вмѣстѣ съ Назимовымъ и Данилевскимъ; послѣдній былъ до послѣдняго въ головѣ ниж. чиновъ и говорятъ рубился, какъ левъ. О томъ же, въ какой мѣрѣ сохранился матеріальный порядокъ, судить трудно, въ томъ случаѣ, когда на горсть, въ трудной мѣстности, нападетъ масса. Всѣ очень жалѣютъ полкъ, ибо, говорятъ, что онъ работалъ больше всѣхъ и имѣетъ смѣлыхъ, лихихъ офицеровъ. Въ этомъ ему отдаютъ справедливость всѣ... Пишу эти строки, не какъ оффиціальное оправданіе событія, но какъ объясненіе старшему товарищу. Если найдете необходимымъ, доложите ихъ Іосифу Владиміровичу (ген. Ад. Гурко); ему дорога честь Л.-Драгунскаго полка вдвойнѣ, какъ нач-ку отряда и какъ нач-ку дивизіи...» Въ приказѣ по полку отъ 6-го февраля 1878 г. значится: «Прибывшій изъ С. Петербурга, командуемаго мною полка, флигель-адъютантъ ш.-к. Клейгельсъ, объявилъ, что 11 января на Высоч. выходѣ, Государь Императоръ былъ въ нашемъ мундирѣ и изволилъ выразиться ш.-капитану Клейгельсу, что онъ это сдѣлалъ въ честь полка, которымъ отмѣнно доволенъ, Высочайше повелѣвъ передать слова свои полку...»

Въ воспоминаніяхъ Гв. Кон. арт-та Е. Андреевскаго, бывшаго ординарцемъ при Главнок-мъ, говорится, что при представленіи Андреевскаго Императору, послѣ заключенія мира 24 апр. 1878 г. Его Величество, вспомнивъ о тяжеломъ раненіи кап.

Усова, сказалъ: **«Въ несчастномъ Новачинскомъ дѣлѣ, геройскій отрядъ исполнилъ свой долгъ такъ, какъ умѣли его исполнять наши суворовскіе молодцы-богатыри...»** Въ день полкового праздника, 19 марта 1878 г., Л.-Драгуны получили Георгіевскій штандартъ, причемъ Его Величество, Имп. Александръ II, на смотрѣ въ Севастополѣ, 3 окт. 1878 г., Самъ навѣсилъ на штандартъ Георг. крестъ, снявъ его съ груди сына Своего, Вел. Кн. Сергѣя Александровича. Полк. Лихтанскій, кап. Стемпель и кап. Усовъ за Новачинское дѣло награждены Императоромъ золотымъ оружіемъ.

10 ноября ст. ст. (23 н. с.) 1927 г. минуло 50 лѣтъ со дня Новачинскаго боя. Память о погибшихъ въ этотъ день Лейбъ-Драгунахъ за честь своего полка свято хранится ихъ однополчанами до послѣдняго дня и въ 50-лѣтній юбилей этого боя въ разныхъ мѣстахъ земного шара, члены полкового собранія Гвардейскихъ Драгунъ соберутся помолиться о павшихъ за честь полка однополчанахъ, вспомнить о всѣхъ эпизодахъ этого дѣла и благодарить Господа Бога за дарованіе въ ту войну побѣды, результатомъ которой было освобожденіе Балканскихъ славянъ отъ вѣкового рабства.

Всѣ коренные Лейбъ-Драгуны воспитывались на этомъ примѣрѣ доблестнаго служенія Родинѣ и исполненія своего долга, во славу и честь своего Лейбъ-Драгунскаго мундира и память о Новачинскомъ днѣ должна и будетъ свято чтиться Гвардейскими Драгунами, пока будетъ живъ хотя бы одинъ изъ нихъ.

С. Гребенщиковъ.

НОЧНАЯ РАЗВѢДКА ОТЪ № 2 ЭСКАДРОНА

1-го Октября 1916 года

Осень, съ ея холодными пронизывающими вѣтрами и вѣчными дождями, принесла затишье на участкѣ фронта Гвардейской Кавалеріи. Оба противника, глубоко закопавшись въ землю, сидѣли ощетинившись другъ противъ друга. Никакихъ активныхъ дѣйствій ни одна изъ сторонъ не предпринимала; развѣ только артиллерія противника, какъ бы по расписанію, ежедневно, въ опредѣленные часы обстрѣливала нашу позицію, но часъ-полтора спустя все стихало и снова на сутки всѣ успокаивались. По ночамъ трещали отдѣльные выстрѣлы и временами стрекоталъ пулеметъ.

Было скучно и неуютно; всѣ поглощены были однимъ желаніемъ, отсидѣвъ положенный срокъ въ грязныхъ и сырыхъ окопахъ, уѣхать къ коноводамъ, или въ лучшемъ случаѣ въ отпускъ, въ надеждѣ вымыться, выспаться и привести себя въ порядокъ.

Въ одинъ изъ такихъ «окопныхъ вечеровъ», когда вчера такъ похоже на сегодня, а сегодня на

завтра, я съ десятью охотниками Лейбъ-драгунъ вышелъ въ ночную развѣдку. Заданіе, полученное мною, казалось не сложнымъ: узнать расположеніе ночного охраненія противника и по возможности взять плѣннаго. Объяснивъ людямъ задачу и приказавъ телефонисту сообщить по линіи о выходѣ развѣдки, мы выступили. Погода была скверная: моросилъ мелкій дождь и временами дулъ порывистый вѣтеръ, неся съ собой сильный трупный запахъ разлагавшихся и затянутыхъ болотомъ человѣческихъ тѣлъ. Пройдя около версты, мы попали въ глубокое болото; нащупывая палкой твердыя кочки, по одному стали перебираться, черезъ нѣсколько шаговъ снова погружаясь въ размокшую и заросшую водорослями грязь. Вода затекала за голенища, ноги тяжелѣли. Мы останавливались, отдыхали и снова шлепали по чему-то топкому, временами идя прямо по водѣ; снова грязь, снова болото; такъ прошло болѣе получаса, когда мы, наконецъ, стали выбираться на сухое и пересѣкли какой-то брошенный полуразрушенный окопъ. Стоходъ, очевидно, остался за нами. Кругомъ тишина; впереди вспыхиваютъ рѣдкія ракеты. Мы легли и стали прислушиваться. Проходитъ нѣсколько томительныхъ минутъ; изъ-за разорванныхъ тучъ медленно выползаетъ луна; при первыхъ же ея лучахъ, шагахъ въ ста, за рядомъ густой проволоки вырисовываются два сѣрыхъ силуэта, въ полуверстѣ вправо какъ будто бы виднѣются еще двое. Сердце начинаетъ учащенно биться; усталость и сырость забыты. Драгуны шопотомъ и знаками просятъ разрѣшенія открыть огонь — я категорически запрещаю. Карандашемъ на крышкѣ портсигара зарисовываю кроки распо-

ложенія постовъ; позиція противника обрисовываются шагахъ въ трехстахъ сзади. Луна вскорѣ заслоняется тучами и мы снова въ темнотѣ. Знаками я подзываю старшаго унтеръ-офицера Мокшина и двухъ драгунъ и приказываю имъ отыскать проходы въ проволокѣ. Мысль захватить, во что бы то ни стало, нѣмецкій секретъ, меня не покидаетъ. Трое изъ моихъ людей, снявъ бѣлые ремни аммуниціи и распластавшись по землѣ, медленно отползаютъ и скрываются въ темнотѣ. Проходитъ 20-30 минутъ, луна на мгновеніе появляется и снова прячется, моихъ людей все нѣтъ, я начинаю волноваться. Неожиданно сбоку отъ меня появляется Мокшинъ и шопотомъ докладываетъ: «Почти противъ насъ въ шагахъ 50--ти есть узкій и извилистый проходъ, ведущій, очевидно, прямо къ нѣмецкому секрету». Отобравъ пять Лейбъ-драгунъ и вооружившись ручными гранатами, мы въ затылокъ другъ другу, полземъ за Мокшинымъ и попадаемъ вскорѣ въ какой-то лабиринтъ колючей проволоки. Мы залегли, я рѣшаюсь ждать появленія луны, думая лично оріентироваться. Я пролежалъ довольно долго, пока медленно стала показываться луна. Теперь уже совершенно отчетливо были видны нѣмецкіе часовые, въ круглыхъ и тяжелыхъ каскахъ; они сидѣли полуоборотомъ къ намъ и о чемъ-то мирно бесѣдовали. Мы были отъ нихъ не болѣе какъ въ 40-50 шагахъ. Мнѣ было теперь ясно видно, что проволочный проходъ передъ самымъ секретомъ былъ перегороженъ одной или двумя рогатками. Взять нѣмцевъ и обезоружить безъ шума, казалось, невозможнымъ, имѣя столь серьезную преграду впереди какъ рогатки, а за спиной, въ случаѣ неудачи, 10-12 шаговъ корридора

среди проволоки и около полутора верстъ безпрерывныхъ болотъ. Я съ досадой сталъ подумывать о возвращенiи назадъ и знаками приказалъ людямъ по одному отходить. Проходитъ минута-двѣ... яркая вспышка и за нашими спинами медленно, планируя, падаетъ нѣмецкая ракета. Мы обнаружены. Я дважды стрѣляю изъ револьвера въ направленiи часовыхъ; огненные языки вылетаютъ изъ короткаго ствола Нагана. Черезъ мою голову летитъ ручная граната унтеръ-офицера Мокшина, слышится оглушительный трескъ разрыва, какiе-то крики, и два-три близкихъ ружейныхъ выстрѣла. Что дѣлать? мелькаетъ въ головѣ вопросъ. За рукавъ меня сзади хватаетъ Мокшинъ: «Ваше Высокоблагородiе, тикайте». И мы что есть духу бросаемся назадъ. Взлетаетъ нѣсколько ракетъ. Одна мысль буравитъ голову: скорѣе бы добѣжать до брошеннаго нѣмецкаго окопа и укрыться пока противникъ не поднялъ тревогу. Та-ку, та-ку — слышатся отдѣльные выстрѣлы; роемъ надъ головой пролетаютъ пули заработавшихъ пулеметовъ, но мы уже на днѣ глубокаго окопа. Одинъ изъ моихъ людей раненъ въ руку. Нѣмцы развиваютъ бѣшеный огонь, освѣщая свои подступы яркими ракетами. Спустя нѣкоторое время стрѣльба стихаетъ и только частый взлетъ ракетъ говоритъ о нервности нѣмцевъ. Надо отходить и возможно скорѣе. Мы быстро отползаемъ назадъ. Снова болото, грязь, вода. Нервный подъемъ прошелъ, его смѣнила усталость и промокшихъ людей начинаетъ трясти лихорадка; драгуны еле плетутся въ отяжелѣвшихъ и намокшихъ длиннополыхъ шинеляхъ. Дорога назадъ кажется длинной, мы заблудились, взявъ сильно въ сторону, сбились въ темнотѣ съ

направленія. Чисто инстинктивно беремъ снова влѣво, пересѣкаемъ болото и вскорѣ окрикъ «кто идетъ» — подбадриваетъ людей и мы выходимъ на охраненіе стрѣлковаго эскадрона Конно-Гренадерскаго полка.

Спустя двадцать минутъ, я сижу въ землянкѣ у временно командующаго полкомъ полковника Валицкаго, пью горячій глинтвейнъ и докладываю подробности развѣдки.

Д. Де-Виттъ (III-й).

1928.

***

Сегодня четырнадцатая годовщина боя подъ Ширвинтомъ, перваго боевого крещенія полка въ великую войну. Въ этотъ день хочется вспомнить все то дорогое, родное, что заключается въ этихъ словахъ: «Лейбъ-Гвардіи Драгунскій полкъ». Вспоминаемъ хорошее мирное житье въ Петергофѣ, ученья, парады, товарищескіе обѣды, столѣтній юбилей полка, когда мы удостоились принимать Государя Императора у себя въ собраніи.

Затѣмъ лѣто 1914 года, полки раньше времени возвращаются на зимнія стоянки и объявлена мобилизація.

Страшно сильное впечатлѣніе произвело на меня молебствіе на плацу въ присутствіи Августѣйшаго шефа полка, вечеромъ, наканунѣ отправленія въ походъ перваго эшелона. Собиралась гроза; необыкновенно темныя, синевато-лиловыя тучи казалось давили землю. Благословеніе полка образомъ Великой Княгиней Маріей Павловной, со слезами на глазахъ прощавшейся со своимъ полкомъ.

Первое движеніе впередъ къ германской границѣ и къ Восточной Пруссіи внесло надежду на то, что война не будетъ несчастна для Россіи и для полка, хотя у меня лично, помню, было очень непріятное предчувствіе, когда мы, первый эшелонъ, сѣли на коней и двинулись по бульвару Юркевича къ Новому Петергофу для погрузки въ вагоны. Предчувствіе это, — что все хорошее кончилось и будетъ большое несчастье, — оно было очень остро и не покидало меня все время до самаго конца войны. Далѣе проносятся воспоминанія о боѣ подъ Ширвинтомъ, подъ Каушеномъ, наступленіе въ Восточной Пруссіи и долгіе годы сидѣнія въ окопахъ въ Пинскихъ болотахъ, на Стоходѣ. Потомъ революція, погубившая все.

Помню, съ какою радостью я вырвался 7-го декабря 1917 года изъ стрѣлковаго полка 2-ой гвардейской Кавалерійской Дивизіи, гдѣ я командовалъ вторымъ эскадрономъ и одновременно дивизіономъ 2-ой бригады, драгунами и гусарами. Было очень тяжело; началось братанье, въ началѣ пробовали бороться, открывали шрапнельный огонь по братающимся на очень высокіе разрывы. Приказъ о снятіи погонъ переполнилъ чашу. Радость была велика, послѣ долгихъ мытарствъ, очутиться на югѣ, въ арміи ген. Деникина, въ формирующемся сначала эскадронѣ, потомъ дивизіонѣ родного полка. Радость жить среди близкихъ однополчанъ, видѣть снова свою форму, давала вѣру въ хорошее будущее, надежду на лучшіе дни. Много перенесено за эти годы тяжелыхъ минутъ, дней, мѣсяцевъ, но все это было легче перенести потому, что мы были всегда въ дружной своей полковой семьѣ. Полкъ родной былъ всегда у ка-

ждаго лейбъ-драгуна на первомъ мѣстѣ, первой мыслью.

Въ гражданскую войну, во время начала конца ея, уже подъ Перекопомъ былъ убитъ горячій патріотъ полка, гр. Андрей Толстой. У него, уже пораженнаго смертельно пулей, невольно вырвались послѣднія его слова, обращенныя къ бывшимъ около него Лейбъ-драгунамъ: «Братцы, не оставляйте меня». Лейбъ - драгунъ, умирая, хотѣлъ быть среди своихъ. Свой полкъ, штандартъ, какъ эмблема его, — это было всегда на первомъ мѣстѣ у Лейбъ-драгунъ; — исполненіе своего долга, какъ бы оно ни было трудно, оно дѣлалось легче при мысли о полку. Особенно ярко это чувствовалось во время перваго боевого крещенія подъ Ширвинтомъ, когда весь полкъ, начиная отъ командира полка и до послѣдняго драгуна, свято исполнили свой долгъ.

Такъ думали Лейбъ-драгуны, зарубленные въ Новачинскомъ бою на лафетахъ своихъ орудій, такъ думали и всѣ погибшіе за время великой и гражданской войнъ.

Эти воспоминанія, эта любовь къ полку, полковой патріотизмъ жилъ и будетъ жить всегда въ душахъ лейбъ-драгунъ. Сейчасъ мы объединены этой мыслью о прошломъ полка.

Дай Богъ, чтобы въ будущемъ была Россія, тогда будетъ и лейбъ-гвардіи Драгунскій полкъ, одушевляемый всегда горячимъ полковымъ патріотизмомъ.

Полк. Ю. М. Левицкій.

Августа 1928 г. Парижъ.

ПОДЪ СЧАСТЛИВОЙ ЗВѢЗДОЙ

Я помню, что это было осенью 14-го года въ Восточной Пруссіи. Помню, очень живописную, гористую мѣстность въ районѣ Мазурскихъ озеръ. Помню на красивой зеленой горѣ замокъ и помню, что этотъ замокъ назывался «Фюрстенау». Названія же другихъ селеній и деревень — улетѣли изъ моей памяти.

Вечеромъ, меня вызвали въ штабъ дивизіи. Начальникъ штаба, полковникъ генеральнаго штаба Б. указалъ цѣль развѣдывательнаго эскадрона, куда и когда посылать донесенія, словомъ все, что въ такихъ случаяхъ полагается и добавилъ еще: «Прими къ свѣдѣнію, что въ деревнѣ такой-то пострадалъ эскадронъ Конно - Гренадеръ. Нѣмцы вмѣстѣ съ возами сѣна пробрались ночью къ самой коновязи и произвели жестокую панику. Надѣюсь, ты не попадешься. Ну, съ Богомъ».

Итакъ, наша первая задача, это пройти по какому-либо перешейку на ту сторону Мазурскихъ озеръ. Трудно, но попробовать надо.

Была уже темная ночь, когда со строжайшей

осторожностью мы дошли почти до одного изъ перешейковъ... Рискнуть-ли идти дальше сейчасъ, или выждать утра?

Не помню, какіе у меня были доводы, но я рѣшилъ продолжать движеніе передъ утреннимъ разсвѣтомъ. Въ эти мистическія минуты всегда возможны чудеса и можетъ быть это и было самымъ основательнымъ доводомъ...

Остановились на маленькомъ хуторѣ. Окружили его постами и обитателей хутора не выпускали за линію постовъ: сиди, и никто тебя не тронетъ. Сначала вся многочисленная семья отнеслась къ намъ съ недовѣріемъ и смотрѣла на насъ косо, но я поговорилъ по-нѣмецки со старикомъ, патріархомъ семьи, угостилъ его сигаретой, щедро заплатилъ за хлѣбъ, молоко, яйца и между нами установились почти дружелюбныя отношенія.

Часть эскадрона, свободная отъ нарядовъ, заняла большой сарай. Лошади подъ сѣдломъ, а драгунамъ я разрѣшилъ только снять винтовки. Офицеры по-очереди ложились отдыхать.

Я не спалъ почти всю нчь. Надо было провѣрять посты, направлять дозоры, фантазировать надъ картой, изучая районъ нашихъ будущихъ дѣйствій. Кстати, о картѣ: всѣ мы плохо читаемъ карту. Мы разбираемся въ направленіи, видимъ по картѣ лѣса, горы, замѣчаемъ характерныя возвышенія, но мы не представляемъ себѣ картины незнакомой намъ мѣстности. Мой старшій офицеръ, Карлуша Сиверсъ — онъ дѣйствительно читалъ карту.

— Вотъ, когда ты выѣдешь изъ лѣсу, — объясняетъ онъ унтеръ-офицеру, — то увидишь справа горку и за ней увидишь крыши домовъ — это

и будетъ вотъ это большое село; сюда тебѣ и надо. Смотри, не прозѣвай, можно его и не замѣтить.

— Если бы ротмистръ Сиверсъ не предупредилъ меня, я бы, Ваше Высокоблагородіе, прокатилъ бы мимо, такъ и не примѣтилъ бы это село. Вотъ оно по картѣ какое большое, а на самомъ дѣлѣ съ дороги видишь только двѣ, три крыши.

Такъ потомъ докладывалъ мнѣ унтеръ-офицеръ. Уже близко передъ выходомъ я рѣшилъ прилечь отдохнуть и залѣзъ подъ рядно между двумя спящими драгунами, но очень скоро пришла смѣна дозоровъ и какой-то прыткій молодецъ сдернулъ насъ съ рядна, заявивъ:

— Надрыхались, черти, теперь нашъ чередъ.

Ничего не подѣлаешь — его правда! Я потихоньку, такъ въ темнотѣ и не узнанный, вышелъ изъ сарая, а уже черезъ полъ часа эскадронъ строился. Пара двигается впередъ. Звѣзды еще ярко горятъ, но уже кругомъ въ оврагѣ, въ кустикахъ появились какіе-то блѣдныя пятна наступающаго разсвѣта. Видна ли моя звѣздочка? — Это Алькоръ, маленькая звѣздочка шестой величины, восьмая въ созвѣздіи Большой Медвѣдицы. Да, слава Богу, я ее вижу, значитъ все, Богъ дастъ, будетъ хорошо. Всѣ мы становимся суевѣрными на войнѣ.

Тихо, тихо двигаемся мы впередъ. Я самъ въ головномъ дозорѣ. Передъ нами жуткая неизвѣстность. Кусты, копны сѣна — кажутся противникомъ. Кому изъ насъ не знакома эта нервная напряженность ночныхъ переходовъ. Эскадронъ движется по моимъ указаніямъ черезъ цѣпочку. Не можетъ быть, чтобы у нѣмцевъ не было постовъ на перешейкѣ, но... мы безпрепятственно перешли

на ту стороны озеръ. Вставшее яркое солнце, освѣтило намъ красивую мѣстность — озерки, овраги, разбросанные хутора и деревни. Есть гдѣ прятаться и есть пункты для наблюденій за противникомъ. Впередъ. Очередной драгунъ лѣзетъ на дерево, или на крышу, машетъ рукой: значитъ все благополучно и мы, гдѣ прячась, гдѣ быстро пробѣгая открытую мѣстность, доходимъ до деревни.

— Стой! Слѣзай!

Зашли далеко, чуется близость противника. Эскадронъ спрятался въ ложбинѣ за мельницей, а я съ тремя драгунами выѣхалъ впередъ. Вотъ древній старикъ копается въ огородѣ.

— Что за деревня? — спрашиваю я его, для провѣрки, не сбился-ли я съ пути намѣченномъ по картѣ.

Злобой сверкнули глаза старика, когда онъ разобралъ кто передъ нимъ, отрывисто прохрипѣлъ онъ названіе деревни. Вѣрно. Я слѣзъ съ лошади и сталъ въ бинокль осматривать деревню. Ага! Ясно вижу между двумя домами на фонѣ рощи фигуру нѣмецкаго офицера. Со скрещенными на груди руками онъ смотритъ въ нашу сторону. Но простымъ глазомъ онъ не видитъ насъ. Подзываю драгуна и приказываю ему слѣдить за офицеромъ, какъ только онъ возьметъ бинокль, сейчасъ же предупредить меня.

Хожу вправо и влѣво и продолжаю осмотръ. Наконецъ нашелъ группу пѣхотинцевъ, винтовки составлены, значитъ это не постъ, а вѣроятно, застава, значитъ я нахожусь въ промежуткѣ между постами и заставой. Можетъ быть, постъ гдѣ-ни-

будь здѣсь, рядомъ, въ этой деревнѣ. Недурное положеніе. Но съ другой стороны, надо разсуждать такъ: кто же будетъ искать противника не передъ, а за линіей постовъ. Если мы сами не обнаружимся, насъ искать не будутъ. Старикъ нѣмецъ продолжаетъ копаться въ грядахъ; онъ понимаетъ, конечно, что я ему уйти не позволю. Я приказываю позвать ко мнѣ офицера и диктую ему донесеніе, самъ же все продолжаю осмотръ. Надо намъ продвинуться еще вправо, чтобы имѣть наблюденіе за большой дорогой, ведущей на другую сторону озеръ, на нашу сторону. Очень осторожно продвигаемся и, къ счастью, находимъ подходящій пунктъ наблюденія. Мы въ оврагѣ; на дорогѣ, идущей вдоль края оврага, брошенный жителями домъ. Съ крыши дома видна интересующая насъ дорога, по которой непрерывно движутся войска противника. То я самъ, то офицеры, то драгуны сидимъ по-очереди на крышѣ и ведемъ наблюденіе, — это и есть наша первѣйшая задача. Второе донесеніе уже послано, но надо знать, что дѣлается и около насъ. Ясно, что отрядъ противника, передъ носомъ котораго мы стоимъ, еще не двинулся, но въ любой моментъ можетъ двинуться впередъ, и тогда мы будемъ захлопнуты. Надо послать разъѣздъ для наблюденія за противникомъ, находящимся передъ нами. Выслалъ три разъѣзда: два унтеръ-офицерскихъ и одинъ прапорщика Л. Данъ приказъ, чтобы при малѣйшемъ шевеленіи противника сейчасъ же возвращались назадъ, а вообще вернуться къ такому-то часу. Разъѣзды ушли. Слѣдимъ за движеніями противника, и я послалъ еще два донесенія. Прошло, я думаю, около часу времени, когда сидящій на крышѣ драгунъ доложилъ мнѣ:

— Ваше Высокоблагородіе, а вотъ надо полагать ихній конный постъ... вотъ, видите тамъ.

Лѣзу на крышу, смотрю и ясно вижу, что какъ разъ на дорогѣ, по которой намъ надо возвращаться къ перешейку, стоитъ конная часть. Возлѣ дома привязаны лошади, у стѣны ясно видны приставленныя пики съ флюгерами. Изъ трубы дома валитъ дымъ, вѣрно нѣмцы готовятъ себѣ завтракъ. «Вотъ спасибо», думаю я, «позади готовая двинуться колонна нѣмцевъ, а впереди по всѣмъ даннымъ конная застава или возвращающійся развѣдывательный эскадронъ». Куда тутъ подаваться? Холодокъ проходитъ по спинѣ... Хорошо, что два разъѣзда вернулись съ докладомъ, что противникъ не шевелится. Можетъ быть, и прапорщикъ Л. скоро вернется. Кажется, пора сматываться. Но какъ? Какъ я уйду изъ этой ловушки? Нить моихъ мыслей нарушаетъ трескъ аэроплановъ. Не было печали! Аэропланъ летитъ на насъ. Летитъ очень низко, я вижу выглядывающую голову наблюдателя. Онъ внимательно смотритъ на насъ. Черезъ минуту онъ броситъ донесеніе надъ своей колонной о томъ, что на линіи охраненія стоитъ непріятельскій эскадронъ. Я собираю офицеровъ на военный совѣтъ. Первый голосъ вахмистра. Ждать намъ еще прапорщика Л. или уходить немедленно? Голоса дѣлятся, но большинство за уходъ сейчасъ же. Я рѣшаю уходить. Ничего не подѣлаешь, нельзя рисковать эскадрономъ.

— Ваше Высокоблагородіе, — взволнованнымъ голосомъ доноситъ драгунъ съ крыши, — отъ конной заставы къ намъ ѣдутъ двое нѣмцевъ.

Нѣсколько секундъ, и я на крышѣ рядомъ съ наблюдателемъ.

Спокойнымъ шагомъ, покачиваясь въ сѣдлахъ, съ пиками за плечами, покуривая сигары, два нѣмца ѣдутъ по дорогѣ, прямо на насъ. Работаетъ ли мое сознаніе или подсознаніе? Но моментально у меня рождается планъ: подпустить нѣмцевъ, убить, вызвать тревогу на заставѣ, которая подскачетъ сюда, этой же дорогой, а мы, обходя мимо мельницы вдоль оврага влѣво отъ деревни, пройдемъ къ перешейку мимо военной заставы. Горошкомъ скатываюсь съ крыши:

— Къ конямъ! Вахмистръ, назначить по два лучшихъ стрѣлка отъ взвода.

— Слушаюсь, Ваше Высокоблагородіе.

Черезъ полминуты восемь молодцовъ съ винтовками въ рукахъ передо мной.

— Вы четверо въ сарай и бить того, который справа — маршъ. Вы четверо въ эту канавку и бить того, что слѣва. Огонь открыть по моему свистку. Эскадронъ, садись. Ты тамъ на крышѣ смотри въ оба, слѣзешь, когда я прикажу.

— Я тоже буду стрѣлять, — говоритъ мнѣ штабъ-ротмистръ В., отличный стрѣлокъ и образцовый офицеръ.

— Зачѣмъ ты, — спрашиваю я. — Тамъ довольно людей.

— Нѣтъ, ужъ разрѣши, пожалуйста.

— Ладно, — говорю я, — какъ хочешь.

Хотя въ глубинѣ души былъ противъ этого. Вѣдь это засада, охота на людей а не честный бой. Но все равно, не время философствовать. Проходитъ нѣсколько томительныхъ, жуткихъ минутъ. Подпустилъ нѣмцевъ шаговъ на восемьдесятъ. Трахъ! Трахъ! Одинъ убитъ сразу, другой, потерявъ пику и каску, тяжело раненый, обнявъ шею

лошади, ускакалъ назадъ Еще чуть дышалъ саксонскій драгунъ(какъ мнѣ помнится), когда я изъ его сумки доставалъ карты и книжки. Еще минута, и мы на коняхъ. Наблюдатель, слѣзая съ крыши, доноситъ:

— Видать здоровую пыль. Прытко скачутъ сюда.

Съ видомъ полнаго спокойствія, шагомъ, я веду окольными путями эскадронъ, а сердце бѣшенно бьется и мучительно сверлитъ единственная мысль:

— Удастся или нѣтъ?

Судьба. Надежда на Бога. Полное молчаніе. Даже шопота не слышно, лишь пофыркиваютъ лошади, да постукиваютъ винтовки и пики.

Ни одного дозорнаго нѣтъ, всѣ они въ дозорѣ. Вокругъ насъ красочно сіяетъ равнодушная природа. Но, слава Богу, мы уже выходимъ изъ ловушки, виденъ уже перешеекъ.

— Рысью, маршъ!

Очень бы хотѣлось галопомъ, но нельзя, эскадронъ можетъ вырваться изъ рукъ. Наконецъ, мы на своей сторонѣ. Вотъ виденъ «Фирстенау», его обкладываютъ нѣмцы тяжелыми снарядами, «чемоданами» на нашемъ языкѣ. Попаданія очень мѣтки, видно, какъ летятъ камни и подымаются цѣлые фонтаны земли. Какъ испуганные муравьи, разбѣгаются наши люди, видно, какъ ложатся, встаютъ и опять бѣгутъ. Черезъ нѣсколько минутъ «Фюрстенау» — очищенъ.

Гдѣ же прапорщикъ Л. и его разъѣздъ?

Выберется ли? Ничего не подѣлаешь, на то война.

Кончился тяжелый день. Мы благополучно вер-

нулись къ дивизіи. Всѣ мои донесенія дошли. О прапорщикѣ Л. не особенно безпокоятся, бывало, что разъѣздъ возвращался только черезъ нѣсколько дней. Онъ и вернулся черезъ 10 дней.

Крѣпко спалъ я въ слѣдующую ночь. Подъ утро меня разбудилъ спящій рядомъ со мной штабъ-ротмистръ В.

— Знаешь, Александръ Петровичъ, — тихо сказалъ онъ, — а вѣдь это я убилъ этого нѣмца; не надо было мнѣ вызываться.

Понялъ я тяжелый душевный гнетъ моего офицера. Надо его успокоить.

— А ты куда цѣлилъ? — спрашиваю я.

— Въ грудь.

— Ну, значитъ, не ты убилъ — безразлично говорю я, — у него прострѣлена только голова въ двухъ мѣстахъ.

— Слава Богу, — говоритъ В. и затихаетъ.

А драгунъ былъ убитъ пулей въ грудь, но никто, кромѣ меня, этого не видалъ.

Иногда и ложь — во спасеніе.

А. Бендерскій.

Тяньцзинъ, 18 августа, 1928 г.

ЛЕЙБЪ-ДРАГУНЫ
ВЪ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ

Разумъ и сердце не могутъ допустить, что все погибло безвозвратно и навсегда. Глубоко вѣрится, что вновь воскреснетъ Великая Россія подъ скипетромъ Русскаго Императора. Вздохнетъ свободной грудью родная страна и быстро начнетъ возстанавливать свои силы. Воскреснетъ и былая Императорская Гвардія и Л.-Гв. Драгунскій полкъ станетъ вновь могучимъ оплотомъ, честно неся службу за Вѣру, Царя и Отечество. Развѣ въ этомъ не порука минувшая гражданская война и упорство зарубежныхъ лейбъ-драгунъ, несущихъ терпѣливо тяжелую долю изгнанія? — Вѣдь это непримиримые, тѣсно спаянные старыми завѣтами и традиціями кадры, вокругъ которыхъ, прикоснувшихся къ родной землѣ, соберется та ратная сила, которая съ другими русскими патріотами могучимъ ударомъ растопчетъ іудейскую пентаграмму и дастъ возможность русскому народу вернуться къ своему исконному началу... И въ особенности своими заслуженными страданіями Россіи Лейбъ-Драгуны

займутъ въ рядахъ Императорской Гвардіи свое прежнее почетное мѣсто.

Съ душевной тоской слѣдимъ мы за ужасной судьбой нашего дорогого отечества. Но пройдетъ кошмаръ послѣдней смуты. Вернутся родной уютъ и бытъ, а съ ними и все то, что было недавно такъ дорого и незабываемо. Среди дружескихъ бесѣдъ, будутъ слушать молодые драгуны страшную быль о геройскихъ дняхъ великой войны, объ ужасахъ междоусобія и ига красныхъ тирановъ, о жизни за рубежомъ.. и преклонятъ свою голову, передъ этимъ святымъ и дорогимъ для насъ прошлымъ, въ которомъ мы и теперь черпаемъ наши силы и вѣру, а съ ними увѣренность, что смилуется Господь надъ Россіей и пошлетъ Ей прощеніе, а съ нимъ и милость жить подъ высокой рукой Русскаго Царя, а намъ драгунамъ радость и честь вновь служить въ рядахъ Царской Гвардіи. Поэтому можно и должно записывать все то, что каждый изъ насъ, драгунъ, пережилъ и видѣлъ воочію съ 1914 г... Постараюсь и я, по мѣрѣ силъ, описать «кусочки жизни полка въ Великую войну и въ Добровольческой арміи», пробѣжавшіе передъ моими глазами. Нелегкая это теперь задача, прошло уже восемь лѣтъ послѣ прекращенія борьбы на югѣ Россіи, не сохранилось у меня ни одной записи и многое уже забыто.

1. Формированіе эскадрона лейбъ-драгунъ въ колоніи Гальбштадтъ, первые бои, отступленіе въ Крымъ и дальше на Керченскій полуостровъ.

Въ концѣ 1918 г. мы съ братомъ, корнетомъ Озеровымъ вторымъ, находились въ составѣ роты «Особаго Назначенія», Сводно-Гвардейскаго пѣхотнаго полка, расположенной вблизи г. Ялты, въ Ореандѣ. Хотя фронтъ продвинулся уже довольно

далеко, на сѣверъ отъ г. Мелитополя, но въ южной части Крыма было неспокойно. Много вооруженныхъ коммунистовъ укрывалось въ горахъ и при ихъ содѣйствіи можно было ожидать выступленій и мѣстныхъ. Въ это время Лица Императорской Фамиліи находились: Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна въ Ай-Тодорѣ, во дворцѣ у Великаго Князя Александра Михайловича; Великій Князь Николай Николаевичъ и другіе Великіе Князья жили въ районѣ Дюльбера, въ которомъ несъ охрану офицерскій отрядъ «Особаго Назначенія». Въ составѣ послѣдняго былъ и нашъ ротмистръ Александровскій.

Въ обязанности роты «Особаго Назначенія» входило: нести караульную службу въ г. Ялтѣ, высылать патрули въ сторону Ялты и Дюльбера, а въ случаѣ нападенія коммунистовъ на одинъ изъ этихъ пунктовъ, немедленно выступить на усиленіе отрядовъ, несшихъ охрану. Жизнь тянулась однообразно, было много нарядовъ. Коммунисты, пользуясь горной и лѣсистой мѣстностью, часто устраивали засады, обстрѣливали патрули, а иногда даже и нашу казарму.

Мы всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали отправки на фронтъ. Уже въ сѣверной Тавріи формировались эскадроны полковъ 1-ой гвардейской кавалерійской дивизіи. Нашъ старый командиръ, свиты Его Величества, генералъ-майоръ графъ Нироддъ, къ которому мы иногда заходили въ Симеизъ, давно уже велъ переписку съ полковникомъ Римскимъ-Корсаковымъ относительно формированія, въ Добровольческой Арміи эскадрона «лейбъ-драгунъ». Римскій, командовавшій въ Крыму пограничной стражей, ожидалъ приказа объ освобожденіи отъ

занимаемой должности, чтобы взяться за формированіе нашего эскадрона.

Проходятъ праздники Рождества Христова и Новаго Года и, наконецъ, мы получаемъ приказъ: полуротѣ роты «Особаго Назначенія», 5 января 1919 г. грузиться на пароходъ, для отправки въ г. Ѳеодосію и дальше въ Мелитополь на фронтъ, на пополненіе Сводно - Гвардейскаго пѣхотнаго полка.

Въ Мелитополѣ, командующій войсками Тавріи, генералъ-лейтенантъ Шиллингъ временно прикомандировываетъ меня къ эскадрону Кавалергардскаго полка, а корнета Озерова второго, какъ юриста, назначаетъ въ помощь полковнику л.-гв. Измайловскаго полка Матвѣеву, который завѣдывалъ гражданской частью управленія сѣверной Тавріи.

Недолго пришлось мнѣ пробыть въ кавалергардскомъ эскадронѣ, въ колоніи Эйгонфельдъ. Пріѣхавшій въ г. Мелитополь въ двадцатыхъ числахъ января, полковникъ Римскій-Корсаковъ вызываетъ меня по телефону. Послѣ радостной встрѣчи и затянувшейся далеко за полночь бесѣды, разсказовъ о томъ, что пережито каждымъ изъ насъ послѣ большевицкаго переворота, плановъ на будущее и обсужденія различныхъ возможностей скорѣйшаго возрожденія родного полка, на слѣдующій день получаемъ приказаніе: корнету Озерову 2 оставаться пока при штабѣ, а мнѣ ѣхать въ районъ Пришибской волости, въ распоряженіе полковника Ковалинскаго, начальника самообороны нѣмцевъ-колонистовъ этого района и командира дивизіона, въ который входили: пѣшій эскадронъ Уланъ Его Величества, такой же эскадронъ Конно гренадеръ и

два орудія гвардейской конной артиллеріи. Здѣсь я до прибытія полковника Римскаго-Корсакова долженъ былъ собрать возможно большее число добровольцевъ. Драгунамъ разрѣшено было формироваться при Сводно-Гвардейскомъ пѣхотномъ полку, въ качествѣ команды развѣдчиковъ этого полка.

Положеніе на фронтѣ, въ Пришибскомъ районѣ, въ это время представлялось слѣдующимъ: на линіи желѣзной дороги Мелитополь — Александровскъ, узловая станція Феодоровка и станція Пришибъ были заняты отрядомъ гвардейской пѣхоты. Отъ станціи Пришибъ и далѣе на востокъ участокъ, въ 50 верстъ, до села Большой Токмакъ занимали отдѣльные отряды самообороны нѣмцевъ-колонистовъ подъ командой строевыхъ офицеровъ и подъ общимъ начальствомъ полковника Ковалинскаго, штабъ котораго находился въ селѣ Пришибѣ. Здѣсь же былъ и резервъ этого участка, — формирующіеся пѣшіе эскадроны: уланъ Его Величества, Конногренадеръ и два орудія конной артиллеріи. Станція Большой Токмакъ, на линіи желѣзной дороги Феодоровка — Пологи и далѣе участки на востокъ оборонялись частями Сводно-Гвардейскаго пѣхотнаго полка, штабъ котораго стоялъ въ районѣ Верхняго Токмака. На всемъ фронтѣ шли упорные бои съ превосходными силами противника. Самооборона колонистовъ вела успѣшную борьбу съ красными до тѣхъ поръ, пока послѣдніе представляли изъ себя малоорганизованныя части, — почти банды, но теперь, когда стали появляться у непріятеля дисциплинированные, обученные, стойкіе полки, снабженные и артиллеріей, нѣмцы-колонисты не выдерживали часто сильнаго артиллерійска-

го огня и повторныхъ атакъ противника, начали уступать краснымъ одну позицію за другой.

Полковникъ Ковалинскій не разрѣшаетъ мнѣ набирать добровольцевъ въ Пришибѣ, такъ какъ здѣсь расположены его части, а даетъ мнѣ районъ по правому берегу рѣки Молочной, гдѣ имѣется рядъ крупныхъ колоній и русскихъ селъ. Начальникъ района также предупреждаетъ меня, что, въ случаѣ тревоги, — новаго наступленія красныхъ, вызоветъ меня по телефону для исполненія при немъ обязанностей полевого адъютанта.

Гальбштадтъ находится въ двухъ верстахъ на востокъ отъ Пришиба и отдѣленъ отъ послѣдняго рѣкой Молочною. Это громадная менонитская колонія, даже скорѣе маленькій городокъ; много каменныхъ двухъэтажныхъ домовъ, есть гимназія и нѣсколько заводовъ. Менониты, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, не могутъ служить на военной службѣ и наше старое правительство освобождало ихъ отъ зачисленія въ строевыя части, назначая въ санитарные отряды, обозы и другія нестроевыя команды; поэтому я весьма боялся, что моя миссія не будетъ здѣсь успѣшной. Нѣмцы встрѣчаютъ меня радушно; скоро съ радостью узнаю, что по сложившимся обстоятельствамъ и менониты вынуждены теперь взяться за оружіе для защиты родныхъ очаговъ отъ нашествія красныхъ тирановъ. Они охотно поступаютъ въ наши воинскія части и доблестно дерутся съ войсками 3-го интернаціонала. Въ первые же три дня моего пребыванія въ этой колоніи явилось семь драгунъ-добровольцевъ. Затѣмъ красные переходятъ въ наступленіе и послѣ нѣсколькихъ сутокъ упорныхъ боевъ, въ которыхъ и я принималъ участіе, удает-

ся отбросить непріятеля и возстановить прежнюю линію фронта.

Эти бои ясно показали, что нашимъ слабымъ отрядамъ невозможно будетъ удержаться въ сѣверной Тавріи и даже помѣшать дальнѣйшему продвиженію къ Крыму противника, увеличившаго свои силы новыми полками, прибывшими изъ центра Россіи.

Наступаетъ нѣкоторое затишье, и я, возвратившись въ колонію Гальбштадтъ, продолжаю подготовлять формированіе эскадрона, веду съ поступающими драгунами строевыя занятія.

Въ первой половинѣ февраля пріѣзжаетъ полковникъ Римскій-Корсаковъ, затѣмъ постепенно съѣзжаются штабсъ-ротмистра: Левицкій, Бокъ, Зеленый, Коптевъ. Прикомандировываютъ къ эскадрону: сотника Гевлича, лѣтъ двадцать тому назадъ служившаго въ полку, съ младшимъ сыномъ старшимъ унтеръ-офицеромъ изъ вольноопредѣляющихся, поручика артиллеріи Зеленаго, брата штабсъ-ротмистра, корнета Гаусмана — двоюроднаго брата штабсъ-ротмистра Дитца, вольноопредѣляющагося графа Толстого. Скоро у насъ уже въ эскадронѣ 60 драгунъ-добровольцевъ.

Изъ обоза Сводно-Гвардейскаго полка удалось достать винтовки, патроны, двѣ повозки, кухню. Разрѣшено также произвести конскую мобилизацію въ Гальбштадтской и Гнаденфельдской волостяхъ. Получаемъ 80 прекрасныхъ лошадей, большинство которыхъ служили впослѣдствіи въ строю два года, вплоть до послѣдней Крымской эвакуаціи, прошли громадныя пространства юга Россіи и не разъ выручали драгунъ въ трудныя минуты боя. При слѣдующихъ мобилизаціяхъ лоша-

дей, мы уже ни разу не получали такого прекраснаго конскаго состава.

Очень плохо обстояло у насъ дѣло съ сѣдлами и обмундированіемъ, которыхъ въ интендантствѣ нельзя было достать. Выдали намъ лишь фуражки, кокарды и мѣстные портные сшили погоны, которые нашивались драгунамъ на ихъ крестьянскую одежду. Сѣдла пришлось реквизировать у мѣстнаго населенія. Эти, такъ называемыя пахотныя сѣдла, употреблялись колонистами при вспашкѣ полей, крайне неудобны для всадника и для коня. Слѣдствіемъ этого, послѣ большихъ переходовъ, въ эскадронѣ всегда было много набитыхъ лошадей. За все время нашего существованія въ Добровольческой арміи, интендантство выдало намъ не больше двадцати сѣделъ, а раздобывали ихъ драгуны въ бояхъ, при столкновеніяхъ съ красной конницей и постепенно замѣняли ими пахотныя.Корнету Озерову 2 удалось получить для насъ нѣкоторое количество револьверовъ, офицерскихъ и солдатскихъ шашекъ, сданныхъ населеніемъ въ управленіе сѣверной Тавріи.

Каждый день можно было ожидать, что обстановка на фронтѣ потребуетъ участія въ бояхъ и драгунъ. Необходимо было возможно скорѣе подготовить къ этому эскадронъ. Съ ранняго утра шли усиленныя занятія, обученіе строю, верховой ѣздѣ, стрѣльбѣ и уставамъ. Кадровыхъ унтеръ-офицеровъ кавалеріи у насъ еще не имѣлось и ихъ обязанности исполняли офицеры. Въ промежуткахъ между занятіями далеко разносилась дружная пѣсня драгунъ: «Смѣло мы въ бой пойдемъ за Русь святую....» Вечеромъ при караульномъ помѣщеніи располагалась дежурная часть эскадрона, которая

выставляла отъ себя посты на сѣверной окраинѣ колоніи.

Во второй половинѣ февраля красные вновь перешли въ энергичное наступленіе по всему фронту и захватили Большой Токмакъ, громадное село съ двадцатитысячнымъ населеніемъ, растянувшееся на семь верстъ съ запада на сѣверо-востокъ, гдѣ подходитъ къ нему желѣзная дорога Мелитополь-Пологи.

Часовъ въ восемь вечера, по полученіи извѣстія о переходѣ этого пункта къ противнику, отъ драгунъ были высланы два разъѣзда: одинъ старшаго унтеръ - офицера Гевлича, въ пять коней, къ западной части Б. Токмака, а другой — въ 15 коней, подъ моей командой пошелъ вдоль полотна желѣзной дороги къ станціи Б. Токмакъ для связи съ гвардейскою пѣхотой. Это былъ день перваго боя части драгунскаго эскадрона съ красными въ Добровольческой арміи.

Мой разъѣздъ двигается прекрасно, видно, что драгуны, несмотря на короткій срокъ обученія хорошо усвоили технику движенія разъѣздовъ. Одновременно съ нами подходитъ къ станціи и нашъ бронепоѣздъ. Начальникъ отряда разсказываетъ мнѣ обстановку и проситъ выставить для наблюденія за флангами участка два конныхъ поста: одинъ съ южной, а другой съ сѣверной стороны станціи.

Красные вновь атакуютъ станцію, но дружнымъ огнемъ гвардейской пѣхоты, спѣшенныхъ драгунъ, орудій и пулеметовъ бронепоѣзда атака отбита и противникъ понесъ большія потери. Вскорѣ послѣ прекращенія боя изъ штаба приходитъ приказаніе: ротѣ, оборонявшей станцію Б. Токмакъ, — при-

соединиться къ первымъ двумъ баталіонамъ Сводно-Гвардейскаго полка и съ ними отходить въ направленія на городъ Бердянскъ; эскадрону лейбъ-драгунъ, отряду полковника Ковалинскаго и 3-ему баталіону Сводно-Гвардейскаго полка, занимавшему станцію Пришибъ, — всѣмъ отходить черезъ г. Мелитополь. въ Крымъ.

Въ часъ ночи пѣхота и бронепоѣздъ оставляютъ станцію и направляются на востокъ. Мой разъѣздъ идетъ на югъ, возвращается въ колонію Гальбштадтъ. За мое отсутствіе старшій унтеръ-офицеръ Гевличъ съ пятью драгунами проникъ въ западную часть Б. Токмака и привезъ цѣнныя свѣдѣнія о противникѣ.

Въ шесть часовъ утра красные уже входили въ колонію Гальбштадтъ, а нашъ эскадронъ, въ 50 коней, во главѣ съ полковникомъ Римскимъ-Корсаковымъ, за которымъ ѣхали два драгуна съ развѣвавшимися на пикахъ трехцвѣтнымъ флагомъ и полковымъ значкомъ, выступилъ на югъ по правому берегу рѣки Молочной. По лѣвому берегу этой же рѣки отходилъ отрядъ полковника Ковалинскаго. На нашей дорогѣ тянулась въ Крымъ безконечная лента повозокъ бѣженцевъ.

Ночью, подходя къ городу Мелитополю, мы всѣ поражены были необычайнымъ явленіемъ, которое произвело на каждаго изъ насъ глубокое впечатлѣніе. На черномъ фонѣ неба, съ сѣверо-западной стороны, появились свѣтлые столбы, одинъ изъ нихъ своею формою напоминалъ крестъ; — онъ казался намъ знаменьемъ свыше: Господь не оставитъ насъ Своею помощью на терновомъ пути борьбы за православіе и Святую Русь.

Въ городѣ Мелитополѣ драгуны отдыхали цѣ-

лыя сутки, а затѣмъ приказано было, вмѣстѣ съ другими гвардейскими эскадронами, прикрывать отходъ нашей пѣхоты въ Крымъ. Послѣ нѣсколькихъ дней арьергардныхъ боевъ наши части благополучно отошли къ станціи Сальково.

Станцію и предмостное укрѣпленіе занялъ, понесшій большія потери въ бояхъ въ сѣверной Тавріи, малочисленный 3-ій баталіонъ Сводно-Гвардейскаго пѣхотнаго полка. Въ полъ версты на востокъ отъ него — окопы, прикрывавшіе дорогу на полуостровъ, поручено мнѣ оборонять со взводомъ 20 драгунъ и приданными имъ двумя пулеметами пѣхотнаго полка. Главныя наши силы расположились на Чонгарскомъ полуостровѣ. Противникъ наступаетъ на Сальково отъ деревни Ново-Дмитріевка и вдоль желѣзной дороги и засыпаетъ станцію снарядами. Днемъ, противъ участка, занимаемаго драгунами, появляются цѣпи красныхъ, но встрѣченныя дружнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, останавливаются. Боюсь, что въ случаѣ ночной атаки, взводу драгунъ невозможно будетъ удержать, слишкомъ большую для него позицію. Но ночь проходитъ сравнительно спокойно, лишь изрѣдка слышна перестрѣлка нашихъ дозоровъ съ развѣдкой красныхъ. Стояли сильные морозы и драгуны, которые не имѣли теплыхъ вещей, сильно страдали отъ холода. На слѣдующій день насъ смѣняетъ штабсъ-ротмистръ Коптевъ съ другимъ взводомъ.

Упорный бой за обладаніе станціей Сальково продолжается трое сутокъ. Наше командованіе рѣшило покинуть эту позицію и занять новую въ сѣверной части Чонгарскаго полуострова.

Эскадронъ получаетъ на правомъ флангѣ боевого участка окопы безъ проволочныхъ загражде-

ній, которыя примыкаютъ къ Сивашу. Передъ нами песчаная стрѣлка, сѣверная часть которой занята противникомъ. Ночью выставляемъ на стрѣлкѣ сторожевое охраненіе... Слышна безпорядочная стрѣльба... Скачу узнать что происходитъ.... Подъѣзжаю къ постамъ... Хорошо свѣтитъ луна, вдали видны силуэты красныхъ развѣдчиковъ. Вдругъ между нами и красными подымается какая-то фигура. Въ рукѣ у меня на готовѣ ноганъ.... стрѣляю... къ счастью, въ темнотѣ промазалъ... Выясняется, что фигура — полковникъ контръ-развѣдки Н., посланный генераломъ Деникинымъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ глубь Россіи, который по исполненіи возложенной на него задачи пробирался къ намъ, въ одеждѣ красноармейца, черезъ расположеніе совѣтскихъ полковъ.

Красные подвезли много артиллеріи и засыпаютъ наши окопы снарядами. Нѣсколько дней добровольцы упорно отбиваютъ всѣ атаки, все же противнику удается прорвать наше расположеніе.

Драгунамъ и батареѣ гвардейской конной артиллеріи приказано задерживать продвиженіе противника до прохода нашими частями Чонгарскаго моста. Эту задачу эскадронъ выполняетъ блестяще. Нашей пѣхотѣ удается оторваться отъ красныхъ, благополучно пройти черезъ мостъ по гати длиною въ полторы версты, и занять новую позицію. Драгуны проскакиваютъ по гати уже подъ огнемъ непріятельскихъ орудій. У насъ есть раненые всадники и лошади.

Окопы у Чонгарскаго моста занимаетъ гвардейская пѣхота и двѣ батареи артиллеріи. Драгунамъ поручено наблюденіе за Сивашомъ въ восточной части полуострова и помѣшать возможнымъ

попыткамъ противника высадить, намъ въ тылъ, десантъ изъ Геническа. Днемъ мы выставляемъ по берегу Сиваша конные посты, а ночью высылаемъ между ними и офицерскіе разъѣзды.

Послѣ трехнедѣльныхъ непрерывныхъ боевъ и походовъ, въ которыхъ приходилось воспитывать драгунъ, чрезвычайнаго напряженія всѣхъ силъ, недостатка сна, страданія отъ непогоды и усталости, на фронтѣ наступаетъ нѣкоторое затишье. Стоятъ теплые мартовскіе дни и природа начинаетъ оживать. Наряды отъ эскадрона, по наблюденію за Сивашемъ, нетрудные. Прибылъ корнетъ Озеровъ второй.

19 марта полковой праздникъ. Отрядный священникъ служитъ молебенъ. Пришли помолиться съ нами и офицеры, стоявшихъ въ резервѣ двухъ ротъ гвардейской пѣхоты. Послѣ церемоніальнаго марша гостямъ были предложены, въ крестьянской хатѣ, скромная трапеза и стаканъ вина.

Въ концѣ марта красные прорвали фронтъ у Перекопа, а затѣмъ и Юшуни. Нашему отряду приказано было отходить къ Джанкою. Отсюда всѣ гвардейскіе эскадроны вновь высланы на сѣверъ задержать противника и прикрыть движеніе отходящаго изъ Юшуни на дорогу Джанкой — Владиславовка отряда полковника Слащева.

Послѣ прибытія этого отряда и короткаго боя у Джанкоя, наши эскадроны къ ночи сходятся у первой станціи на линіи желѣзной дороги Джанкой-Феодосія. Общее командованіе надъ всѣми частями переходитъ къ полковнику Слащеву.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня былъ высланъ, подъ моимъ начальствомъ, разъѣздъ въ двадцать коней къ станціи Курманъ-Кемельча на линіи желѣз-

ной дороги Симферополь — Джанкой. Около села этого же названія, мы встрѣтились съ передовымъ разъѣздомъ противника, который быстро отступилъ на западъ. На станціи драгуны разогнали толпу мѣстныхъ коммунистовъ, разломали телеграфные и телефонные аппараты и перерѣзали провода. При выступленіи изъ «Курманъ-Камельчи» мы были обстрѣляны появившимися съ сѣвера цѣпями противника, а съ юга — пулеметнымъ огнемъ съ импровизированнаго бронепоѣзда симферопольскихъ рабочихъ коммунистовъ, ѣхавшихъ на встрѣчу совѣтскимъ войскамъ.

Разъѣздъ присоединился къ эскадрону, въ болгарской деревнѣ, по близости станціи Колай. Здѣсь часовъ въ восемь вечера получаю новую задачу: полуэскадрону драгунъ и кубанскому конвою штаба полковника Слащева, подъ моей общей командой, немедленно выступить къ полустанку, на сѣверъ отъ Колая и выбить изъ него красныхъ. Мой конный отрядъ, пройдя сторожевое охраненіе гвардейской пѣхоты и приблизившись на сто саженей къ расположенію противника, спѣшился въ складкѣ мѣстности и двинулся цѣпями къ станціи.

Повидимому, противникъ никакъ не ожидалъ нашего нападенія. Сторожевое охраненіе красныхъ моментально отошло назадъ. Когда наша цѣпь находилась уже въ семидесяти шагахъ отъ полустанка, оправившійся послѣ первой паники непріятель съ крикомъ ура открылъ безпорядочный бѣшеный пулеметный и ружейный огонь. Моя рѣдкая цѣпь залегла. Появляются раненые. Пятидесяти спѣшеннымъ драгунамъ и кубанцамъ немыслимо выбить изъ полустанка въ десять разъ сильнѣйшаго противника. Красные не рѣшаются перейти въ контръ-

атаку. Всю ночь продолжается рѣдкая перестрѣлка. Въ четыре часа утра отходимъ къ коноводамъ. На разсвѣтѣ получаю приказаніе, задерживая движеніе противника, отходить къ станціи Колай.

Послѣ недолгаго отдыха въ Грамматиковѣ, эскадронъ съ арьергардными боями двигается къ Владиславовкѣ, куда прибылъ въ пасхальную ночь. Заботами ротмистра Левицкаго намъ прислано по красному яичку, кое-что выпить и разговѣться. Послѣ христосованія съ эскадрономъ и трехчасового сна, опять бой. Отходимъ къ Акманайскимъ позиціямъ.

Здѣсь заканчивается первый двухмѣсячный періодъ дѣйствій эскадрона, которому пришлось, въ моментъ формированія, подъ натискомъ красныхъ, послѣ упорныхъ боевъ, въ которыхъ нужно было еще и воспитывать драгунъ, участвовать въ общемъ отходѣ въ Крымъ и дальше къ Акманаю. Теперь это была уже крѣпкая своею внутренней спайкою часть, блестяще выполнявшая всѣ боевыя задачи.

Іеромонахъ Игнатій (Ротмистръ Озеровъ I)

Почаевская Лавра.
Октябрь 1928 г.

МИРАЖЪ

Была темная ночь.

Наша армія осенью 1914 года отступала по Восточной Пруссіи.

Разрозненныя части пѣхоты въ безпорядкѣ шли на востокъ, сжигая все, что попадалось на ихъ пути.

Дороги были запружены брошенными повозками и зарядными ящиками. Въ безчисленномъ количествѣ всюду валялись трупы лошадей, упавшихъ въ изнеможеніи. Нѣкоторыя несчастныя, еще полуживыя, лежали на обочинахъ дороги, подымая при видѣ проходящей кавалеріи свои головы и печально, какъ бы прося помощи, смотрѣли на насъ.

Вдалекѣ слышенъ былъ шумъ и крикъ отступавшихъ по параллельной дорогѣ войскъ, а сзади, съ оглушительнымъ грохотомъ разрывались тяжелые снаряды, ярко освѣщая темное небо и наводя отчаяніе и ужасъ.

Вотъ уже девятые сутки, что мы вели арьергардные бои, прикрывая пѣхоту.

Днемъ мы отстрѣливались, задерживая герман-

цевъ, а ночью шли походомъ. Было уже восемь сутокъ, какъ мы не разсѣдлывали. Не хватало фуража. Лошади и люди были голодныя и усталыя...

Въ эту темную ночь нашъ полкъ шелъ походомъ, направляясь къ русской границѣ.

Впереди ѣхалъ нашъ командиръ полка, свиты Его Величества ген.-м. графъ Ниродъ. Я исполнялъ должность полкового адьютанта и ѣхалъ на полъ-лошади за командиромъ, а за мною слѣдовали эскадроны, вытянувшись въ колонну по три.

Настроеніе было мрачное. Съ ранняго утра мы ничего не ѣли, а теперь, въ темнотѣ ночи, шли, не зная даже гдѣ остановимся и гдѣ можно будетъ передохнуть.

Командиръ, опустивъ грустно голову, ѣхалъ на своемъ красивомъ конѣ «Іолосъ» и не говорилъ ни слова.

«Ваше Сіятельство!» — услышалъ я вдругъ сзади изъ темноты голосъ полковника Романовича.

«Ваше Сіятельство!» — повторилъ онъ.

«Что такое?» — какъ бы очнувшись, спросилъ командиръ, — ««въ чемъ дѣло, подъѣзжайте!»

Изъ темноты появилась фигура полковника Романовича.

Я осадилъ лошадь, а Романовичъ подъѣхалъ къ командиру.

«Разрѣшите спросить Васъ, Ваше Сіятельство», — сказалъ медленно-служебнымъ тономъ Романовичъ, — «если бы вы въ данный моментъ вошли къ Кюба, то что бы вы, ваше Сіятельство, заказали на обѣдъ?»

«Ааа...!» — воскликнулъ командиръ громко. Въ этомъ «Ааа...» было столько чувства радости и

удовлетворенія, что, казалось, передъ командиромъ открылась настежь дверь въ яркоосвѣщенный ресторанъ Кюба и появилась стойка съ безчисленными разноцвѣтными бутылками и столъ съ чудными закусками — горячими и холодными, икрой свѣжей и паюсной, семгой и балыкомъ и прочими превкусными вещами.

«Да», — сказалъ радостно командиръ, — «я бы, во первыхъ, сразу выпилъ бы гр-р-р-омадную рюмку водки, а ужъ потомъ подумалъ бы, что буду ѣсть!»

«Вы совершенно правы, Ваше Сіятельство», — сказалъ уже менѣе служебнымъ тономъ Романовичъ.

Чувствовалось, что Романовичъ тоже увидалъ раскрытыя двери Кюба, стойку съ бутылками и чудныя закуски.

Ему страшно хотѣлось выпить съ командиромъ и скорѣе добраться до закуски.

«Я, ваше сіятельство, сдѣлаю тоже самое», — продолжалъ онъ веселымъ тономъ, какъ бы чокаясь съ командиромъ.

«Но чѣмъ же вы, Ваше Сіятельство, закусите? — спросилъ онъ вдругъ такимъ важнымъ тономъ, какъ будто это былъ вопросъ государственной важности. «Я», — отвѣтилъ съ разстановкой графъ Ниродъ, — «возьму кусокъ чернаго хлѣба, положу на него кусокъ чудной, мягкой селедки съ лукомъ. Его съѣмъ, и еще выпью гр-р-ромадную рюмку водки»...

. . . .

А темная ночь все становилась свѣжѣе и свѣжѣе.

Началъ накрапывать дождь. Холодъ пробирался черезъ шинели подъ китель, а мы шли, и шли въ темноту... Командиръ и Романовичъ уже успѣли закусить; выбрали къ каждому блюду спеціальное вино и весело, не торопясь, беззаботно обѣдали, въ мечтаньяхъ забывъ весь ужасъ того, что творилось кругомъ.

Полк. Гриммъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ КОМАНДОВАНІЯ ПОЛКОМЪ ГРАФОМЪ КЕЛЛЕРОМЪ

Графъ Келлеръ терпѣть не могъ новшествъ. Не буду говорить объ измѣненіяхъ въ строевомъ кавалерійскомъ уставѣ, объ выѣздкѣ молодыхъ лошадей по системѣ Филлиса и прочихъ нововведеніяхъ, принимавшихся графомъ Келлеромъ чуть-ли не за личное оскорбленіе, но разскажу лишь о томъ, какъ нашъ командиръ отнесся къ музыкальнымъ новинкамъ, какъ напримѣръ, кэкъ-уоку и новымъ танцамъ, которые начали играть наши трубачи.

Произошло все это довольно просто.

Когда, въ первый разъ гр. Келлеръ услыхалъ кэкъ-уокъ, онъ позвалъ капельмейстера Александрова и строго ему сказалъ:

— Чтобы я больше этой дряни никогда не слышалъ!

На этомъ кэкъ-уокъ кончился и мы дѣйствительно его больше не слышали. Прошло нѣкоторое время.

Появились новыя мелодіи танцевъ.

Трубачи ихъ играли. Появился матчишъ, чуть-чуть напоминавшій кэкъ-уокъ...

Былъ какъ-то общій завтракъ. Было много народа. Трубачи играли на хорахъ какія-то вещи изъ оперъ и, въ концѣ завтрака, вдругъ, заиграли матчишь.

Графъ Келлеръ сердито поднялъ голову и знакомъ подозвалъ полкового адьютанта.

— Вы сейчасъ напишите записку объ арестованіи капельмейстера Александрова на 3-е сутокъ — сказалъ онъ, — а затѣмъ позовите его ко мнѣ.

Записка была написана и къ графу Келлеру подошелъ спокойно ничего не подозрѣвавшій капельмейстеръ.

— Я васъ арестовываю на трое сутокъ, — строго сказалъ графъ Келлеръ, — за то, что вы осмѣливаетесь играть кэкъ-уокъ, несмотря на мое запрещеніе.

— Ваше Сіятельство, —взмолился капельмейстеръ Александровъ, — да вѣдь это не кэкъ-уокъ, а матчишъ!

Графъ Келлеръ посмотрѣлъ Александрову сначала въ глаза, потомъ внизъ на ноги, а затѣмъ опять въ глаза, и твердымъ, нетерпящимъ возраженій голосомъ медленно сказалъ:

— Дѣло не въ названіи, а въ музыкѣ. Отправляйтесь.

И капельмейстеръ Александровъ впродолженіи трехъ сутокъ подъ арестомъ размышлялъ о томъ, есть ли разница между кэкъ-уокомъ и матчишемъ.

Въ приказѣ по полку отмѣчались черной чертой тѣ параграфы, которые читались по приказанію командира полка вахмистромъ во время вечерней переклички. Эти параграфы писалъ всегда самъ гр. Келлеръ.

Вотъ одинъ изъ такихъ параграфовъ:

«Вчера новобранецъ 3-го эскадрона Яковъ Воробьевъ, коля дрова, отрубилъ себѣ палецъ.

Этотъ дуракъ думалъ, что онъ освободится этимъ отъ службы. Приказываю перевести Якова Воробьева въ нестроевую команду и арестовать его на 7 сутокъ. Впредь будетъ помнить. Видно батька и матка мало пороли своего Яшку и воспитали себѣ на горе и на срамъ Л.-Гв. Драгунскому полку такую глупую скотину».

Въ одно прекрасное утро я сидѣлъ въ классѣ учебной команды.

Шелъ урокъ устава внутренней службы, отдѣлъ объ обязанностяхъ дежурнаго по эскадрону и посѣтителяхъ.

Вдругъ на лѣстницѣ послышались шаги. Открылась дверь и вошелъ графъ Келлеръ.

Всѣ, какъ одинъ, вскочили. Командиръ поздоровался и сѣлъ за столъ.

Я продолжалъ урокъ.

Графъ Келлеръ спокойно сидѣлъ и, вдругъ, обратясь къ учебнику, стоявшему передо мною сказалъ:

— Хорошо... Посѣтители могутъ приходить и оставаться до шести часовъ. Пробило шесть часовъ; ты дежурный по эскадрону; что ты дѣлаешь въ 6 часовъ?

— Я, ваше сіятельство, — отвѣтилъ учебникъ, — скажу посѣтителямъ, что теперь шесть часовъ и имъ нужно выйтить вонъ.

— Отлично, — сказалъ гр. Келлеръ, — а они не уходятъ.

— Я имъ объясню, что по уставу не полагается оставаться, — отвѣтилъ учебникъ.

— А имъ наплевать на твои объясненія и они не уходятъ. Что ты будешь дѣлать?

— Тогда я, ваше сіятельство, доложу господину вахмистру, — немного подумавъ, сказалъ учебникъ.

— Нѣтъ! —рѣшительно возразилъ графъ Келлеръ. — Кто знаетъ?

Гр. Келлеръ кивнулъ одному изъ сидѣвшихъ впереди.

— Я, ваше сіятельство, доложу дежурному по полку офицеру, — робко отвѣтилъ вставшій учебникъ.

— Нѣтъ! — отвѣтилъ энергично гр. Келлеръ и кивнувъ одному изъ сидѣвшихъ противъ него, сказалъ:

— А ты что будешь дѣлать?

Учебникъ, смутившись, покраснѣлъ и вдругъ выпалилъ:

— Я доложу командиру эскадрона, ваше сіятельство.

— Вотъ еще со всякой ерундой будешь лазить къ командиру эскадрона! — воскликнулъ графъ Келлеръ, посмотрѣвъ сердито на учебника.

— Кто знаетъ? — обратился онъ ко всѣмъ.

Всѣ молчали.

Графъ Келлеръ обвелъ глазами весь классъ, а затѣмъ, обратясь къ стоявшему передъ столомъ

учебнику спокойно, но чуть насмѣшливо, сказалъ:

— Не желаютъ уходить?.. А?..

Наложишь по шеямъ и выгонишь къ чертовой матери вонъ. Кажется просто!

И, дѣйствительно, было просто.

Ровно въ 8 ч. утра открылась дверь командирскаго дома. Графъ Келлеръ вышелъ и медленными шагами направился на полковой плацъ.

Изъ-за угла офицерскаго флигеля вышелъ дежурный по полку, офицеръ, остановился передъ командиромъ и отрапортовалъ.

Командиръ, не снимая теплой перчатки, подалъ ему руку и пошелъ дальше. Дежурный послѣдовалъ за нимъ.

Хорошо было быть дежурнымъ при графѣ Келлерѣ! Идешь себѣ сзади и въ усъ не дуешь. Смотришь только, какъ другіе тянутся въ струнку и волнуются. А тебѣ что?! Знаешь впередъ, что какъ бы командиръ ни былъ бы золъ — онъ дежурнаго не тронетъ. Графъ Келлеръ поздоровался со смѣной, ѣздившей на плацу и, круто повернувъ направо, большими шагами пошелъ прямо въ полковой околодокъ.

Тамъ въ это время собрались больные изъ эскадроновъ.

Полковой врачъ докторъ Черкасъ осматривалъ больныхъ; что-то писалъ; фельдшера ходили съ какими-то бутылочками и ватой, или перевязывали.

Вдругъ дверь отворилась и показалась высокая фигура гр. Келлера. Командиръ, не снимая фураж-

ки и не поздоровавшись, вышелъ на середину залы и оглянулся кругомъ.

Почти все были новобранцы съ ихъ круглыми короткоостриженными безъусыми лицами.

Почти у всѣхъ была снята либо верхняя, либо нижняя часть одѣянія. Многіе были безъ сапогъ. Передъ командиромъ стоялъ корявый толстый новобранецъ и отворачивалъ грязную тряпку съ распухшаго пальца. Графъ Келлеръ молча смотрѣлъ на него и, вдругъ опустивъ голову, спросилъ:

— У тебя что болитъ? А?

Новобранецъ поднялъ свой распухшій палецъ кверху и плаксивымъ голосомъ запищалъ:

— Палецъ, ваше сіятельство.

Командиръ наклонился еще ниже и, посмотрѣвъ на палецъ, почти въ упоръ, крикнулъ:

— Вотъ еще старая баба! — А затѣмъ, обведя глазами весь залъ, воскликнулъ: — Я вижу, что здѣсь собрались все лодыри! Пришли отъ занятій отдуваться!

Была гробовая тишина. Корявый новобранецъ застылъ передъ командиромъ съ открытымъ ртомъ и все еще держалъ палецъ кверху.

Графъ Келлеръ кулакомъ ударилъ новобранца по рукѣ и грозно крикнулъ: Вонъ всѣ отсюда, лодыри паршивые! Чтобы и духа вашего здѣсь не было! Вонъ!

Все, какъ по сигналу, въ карьеръ бросилось къ двери.

По всему плацу по снѣгу бѣжали люди, кто безъ полушубка, кто безъ свитки, а кто и безъ штановъ и безъ сапогъ.

Командиръ, подождавъ немного, пошелъ въ канцелярію писать грозный приказъ больнымъ.

На слѣдующій день утромъ я проходилъ мимо полкового лазарета.

На крыльцѣ стоялъ докторъ Черкасъ со старшимъ фельдшеромъ и спокойно курилъ папиросу.

— Здравствуйте, докторъ, какъ у васъ дѣла, — сказалъ я, подойдя и здороваясь.

— Вотъ все утро ждалъ больныхъ, и ни одного не было, — отвѣтилъ докторъ и добродушно усмѣхнувшись прибавилъ: — всѣ въ одинъ мигъ поправились.

Э. Гриммъ.

Посвящается графу Нироду.

ЛИСИЦА

Въ концѣ іюля 1915 года, 2-ая гв. кавал. дивизія, прикрывая отступленіе 5 сибирск. корпуса, подошла къ Брестъ-Литовску и расположилась у южной окраины крѣпости. Здѣсь было получено приказніе выйти изъ подчиненія 5 сиб. корпуса и поступить въ распоряженіе команд. 3 Арміей, — генерала Леша. Одновременно, ген. Лешъ предписывалъ дивизіи покинуть Брестъ и слѣдовать черезъ крѣпость по шоссе на Слуцкъ, имѣя получить въ пути дальнѣйшія распоряженія.

Во исполненіе этого предписанія, дивизія выступила на слѣдующій день утромъ и, обгоняя по пути войска и войсковые обозы, покидавшіе Брестъ, а также безконечныя вереницы бѣженцевъ, совершила переходъ около 30 верстъ и расположилась на ночлегъ въ нѣск. верстахъ южнѣе шоссе Брестъ-Слуцкъ въ тихой деревушкѣ.

Боевыхъ дѣйствій не предвидѣлось, движеніе дивизіи въ тылъ могло совершаться походнымъ порядкомъ въ обстановкѣ почти мирнаго времени

и поэтому, ограничившись самыми легкими мѣрами охраненія, я назначилъ выступленіе на слѣдующій день въ 8 ч. утра, чтобы и люди и лошади успѣли и выспаться и отдохнуть. Весь вечеръ и до поздней ночи слышна была въ направленіи Бреста орудійная стрѣльба, прерываемая иногда могучими взрывами: это наши войска, отступая, уничтожали крѣпостные форты.

На слѣдующій день, за 1-2 часа до выступленія, я получилъ записку отъ командира 14 арм. корпуса, генерала Войшинъ-Мудрасъ-Жилинскаго, корпусъ котораго отступалъ отъ Бреста сѣвернѣе шоссе Брестъ-Слуцкъ, въ общемъ направленіи на востокъ. Въ этой запискѣ, генералъ Жилинскій сообщалъ мнѣ, что хоть ему и извѣстно, что 2 гв. кав. див. поступила въ распоряженіе командарма 3-й, но въ виду тяжелаго положенія 14 арм. кор., онъ проситъ меня о товарищеской поддержкѣ, исходя изъ принципа взаимной выручки, добавляя при этомъ, что въ случаѣ моего согласія откликнуться на его призывъ, мнѣ слѣдуетъ возможно скорѣе прибыть въ штабъ корпуса, а дивизію спѣшно направить въ указываемомъ направленіи къ данному пункту.

Раздумывать долго было нечего и я съ командиромъ 2-й бригады Св. Е. В. г.-м. гр. Нdatabaseмъ и частью Штаба двинулся на рысяхъ къ штабу корпуса, а дивизія двумя бригадными колоннами двинулась вслѣдъ за мной съ Св. Е. В. г.-м. Княжевичемъ къ указанному генераломъ Жилинскимъ пункту. Пересѣкая шоссе и пути, идущіе изъ Бреста на востокъ, дивизіи пришлось перерѣзать нескончаемые обозы бѣженцевъ, тянувшіеся въ Россію, что нѣсколько задержало ее движеніе, но далѣе — открывались сухія и ровныя поля, по которымъ можно

было двигаться на прямикъ и благодаря этому дивизія къ сборному пункту не опоздала.

Было жарко и сухо; огромные столбы пыли сопровождали каждую изъ колоннъ дивизіи и служили яснымъ указаніемъ передвиженія крупной войсковой части; привлеченные, вѣроятно, этой пылью, примѣрно, черезъ полъ часа послѣ выступленія дивизіи, появились нѣмецкіе аэропланы, которымъ безъ всякаго сомнѣнія движеніе дивизіи было видно какъ на ладони и, такимъ образомъ, для нѣмецкаго командованія и силы дивизіи и направленіе движенія секрета не составляли. Прибывъ въ штабъ корпуса, помѣщавшійся въ усадьбѣ, я засталъ генерала Жилинскаго съ чинами его штаба въ саду, за завтракомъ, а въ это время кругомъ шла укладка и во дворѣ стояли нагруженныя повозки, стояли осѣдланныя лошади и, видимо, все было готовы, чтобы послѣ ранняго завтрака, тронуться въ путь.

Генералъ Жилинскій, увидѣвъ всѣхъ насъ, всталъ изъ за стола, радушно и привѣтливо насъ привѣтствовалъ и сейчасъ-же повелъ въ домъ. Здѣсь его нач. штаба разложилъ карту на роялѣ въ гостинной, чтобы подробно обрисовать общее положеніе и ту обстановку, въ которой находится корпусъ.

Прежде всего, ген. Жилинскій порадовалъ только-что полученнымъ донесеніемъ, что нѣмцы пріостановились въ своемъ наступленіи, и это обстоятельство даетъ возможность въ данную минуту полкамъ корпуса устраиваться, приводить себя въ порядокъ и занимать болѣе выгодныя позиціи, а поэтому излишне спѣшить было нечего и для 2 гв.

кав. див. выигрывалось такимъ образомъ время, чтобы своевременно подойти къ раіону боевыхъ дѣйствій, оріентироваться, получить соотвѣтств. заданія и занять исходное положеніе. Дѣло же заключалось въ слѣдующемъ: 14 арм. корпусъ, въ теченіе вчерашняго дня, отступая изъ подъ Бреста, все время имѣлъ у себя на плечахъ нѣмцевъ, которые и ночью не отказались отъ преслѣдованія и продолжали это преслѣдованіе съ утра сегодняшняго дня; между тѣмъ, ружейныхъ патроновъ оставалось въ корпусѣ совсѣмъ мало, артиллерійскихъ патроновъ въ большинствѣ батарей не было вовсе и вслѣдствіе этого пѣхота корпуса, отступая и ведя слабые арьергардные бои съ нѣмцами, не могла отъ нихъ оторваться и выиграть пространство, изнемогая отъ постоянной огневой связи и постояннаго соприкосновеніе съ противникомъ. Отсутствіе патроновъ не позволяло арьергардамъ вести бой, подъ прикрытіемъ котораго главныя силы могли-бы отходить, и въ результатѣ наши и нѣмцы сходились все ближе и ближе, и наступленіе нѣмцевъ грозило превратиться въ гоньбу беззащитныхъ людей, которымъ впереди предстоялъ либо плѣнъ, либо напрасный разстрѣлъ.!

И вотъ для того, чтобы пріостановить нѣмцевъ и дать нашей пѣхотѣ оторваться отъ нихъ и выйти вовсе изъ боя, выигравъ достаточное пространство, чтобы затѣмъ продолжать планомѣрное отступленіе внѣ огня противника, генералъ Жилинскій и просилъ помощи 2 гвард. кавалер. дивизіи.

Мое сообщеніе, что наша артиллерія имѣетъ 800 снарядовъ и что патроны для винтовокъ и пулеметовъ имѣются полностью, вызвали живѣйшую радость; ген. Жилинскій просіялъ и началъ ожив-

ленно излагать задачу, которая выпадала на дивизію.

Задача эта сводилась къ тому, чтобы задержать наступленіе нѣмцевъ и дать пѣхотѣ уйти за нашу дивизію, а для сего дѣйствовать и маневромъ, и огнемъ, и конной атакой, если обстановка того потребуетъ. Иначе говоря, всѣ средства дивизіи должны были быть пущены въ ходъ, чтобы выручить 14 арм. корпусъ и дать ему выйти изъ сферы огня и отступить. Къ этому ген. Жилинскій добавилъ, что онъ ждетъ къ вечеру прибытія къ своему правому флангу подкрѣпленій отъ сосѣдняго корпуса и потому 2 гв. кав. див. надлежало выиграть время до прибытія этихъ подкрѣпленій, а во всякомъ случаѣ, до наступленія темноты.

Оріентировавшись по картѣ, я, въ зависимости отъ общей обстановки и мѣстности, возложилъ на 1-ю бригаду съ ген. Княжевичемъ выдвиженіе уступомъ впередъ праваго фланга 14 арм. корпуса, съ занятіемъ выгодной рощи, для дѣйствій во флангъ наступающимъ нѣмцамъ. Чтобы подойти укрыто къ этой рощѣ, надо было пройти лишнихъ еще верстъ 5-6 и поэтому ген. Княжевичъ, прибывъ въ штабъ корпуса, не задерживаясь, получилъ задачу и оріентировку и повелъ свою бригаду къ названной рощѣ. На 2-ю бригаду ген. графа Нирода, при которой я рѣшилъ находиться лично, мною были возложены дѣйствія противъ нѣмцевъ съ фронта, для чего бригадѣ надлежало расположиться непосредственно за нашей пѣхотой съ тѣмъ, чтобы, если обстановка потребуетъ, атаковать нѣмцевъ; ген. Княжевичъ, находясь уступомъ справа впереди, долженъ бытлъ содѣйствовать атакѣ 2-й

бригады своими дѣйствіями въ лѣвый флангъ нѣмцевъ.

Донесенія съ фронта, передаваемыя по телефону, продолжали подтверждать, что нѣмцы замолкли, впередъ не продвигаются и наша пѣхота устраивается, и потому генералъ Жилинскій предложилъ мнѣ съ генераломъ графомъ Ниродомъ и Генеральнаго Штаба подполковникомъ Дурново, исполнявшимъ обязанности начальника моего штаба, немного закусить, а 2-ой бригадѣ продолжать движеніе къ тому рубежу, гдѣ ей надо было потомъ расположиться.

Трудно объяснить себѣ чѣмъ была вызвана эта пріостановка наступленія нѣмцевъ среди бѣла дня, тѣмъ болѣе, что имъ должно было бы быть совершенно ясно, что у корпуса нѣтъ патроновъ и снарядовъ. Раздумывая надъ этимъ впослѣдствіи, я заключилъ, что наблюденія нѣмецкихъ аэроплановъ указали нѣмцамъ на подходъ конной дивизіи съ артиллеріей съ юга; та же воздушная развѣдка повидимому обнаружила движеніе пѣхотныхъ частей съ артиллеріей съ сѣвера, къ правому флангу 14 артиллерійскаго корпуса, и, такимъ образомъ, у нѣмецкаго командованія могла обрисоваться совершенно ясная картина подхода подкрѣпленій къ обоимъ флангамъ 14 армейскаго корпуса, что составляло угрозу продвиженію нѣмцевъ впередъ и побудило ихъ пріостановить наступленіе.

Какъ бы то ни было, эти разсужденія явились у меня впослѣдствіи, а въ данное время продолженіе наступленія нѣмцевъ могло обнаружиться каждую минуту и въ моемъ сознаніи ясно обрисовывалось лишь то, что намъ предстояло дѣлать, а

именно выручить пѣхотный корпусъ цѣной, быть можетъ, полнаго самопожертвованія дивизіи.

Атака конной дивизіи противъ не только неразстроенной, но наоборотъ, побѣдоносно наступающей пѣхоты противника, несомнѣнно стоила бы большихъ жертвъ, но въ то же время, благодаря условіямъ складывающейся обстановки, такая атака являлась очень выигрышной, такъ какъ она выручала цѣлый корпусъ. Иначе говоря, принесенныя жертвы не были бы напрасны.

Весь центръ тяжести заключался въ томъ, чтобы совокупность всѣхъ дѣйствій дивизіи, то-есть огонь, маневрированіе и, наконецъ, конная атака, были бы доведены до конца, а для этого требовался порывъ, энергія, наконецъ, героизмъ всѣхъ чиновъ дивизіи. Въ этихъ качествахъ славной 2-ой гвардейской кавалерійской дивизіи я не сомнѣвался и поэтому, несмотря на душевное волненіе, во мнѣ поднималось и трепетало радостно-горделивое и тщеславное чувство въ предвидѣніи боя, который сулилъ дивизіи громкую боевую славу, при чемъ жертвы и потери казались мнѣ необходимою данью, безъ которой не могло бы быть успѣха, и слѣдовательно, и боевой славы. О жизняхъ людей — не думалось, а думалось объ успѣхѣ и выполненіи задачи. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть почетнѣе для конницы, чѣмъ призывъ ея къ самопожертвованію для выручки пѣхотнаго корпуса и спасенія этого корпуса конной доблестью и безавѣтнымъ порывомъ?

Въ то время, когда мы закусывали, было получено донесеніе, что нѣмцы начинаютъ проявлять нѣкоторую дѣятельность и цѣпи ихъ продвигаются впередъ, при чемъ общій тонъ донесенія былъ

настолько тревоженъ, что генералъ Жилинскій всталъ изъ-за стола и сказалъ мнѣ:

— Ну, пора, съ Богомъ!

Генералъ графъ Databodъ тронулся впередъ догонять свою бригаду, а я, поговоривъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ съ генераломъ Жилинскимъ, двинулся со своимъ штабомъ самостоятельно. По пути я обогналъ гр. Нирода, который втягивался съ бригадой въ длинную лощину, заросшую кустами и деревьями. Въ этой лощинѣ графу Нироду было приказано развернуть бригаду укрыто въ кустахъ и сдѣлать распоряженіе для выбора артиллерійской позиціи.

Мѣстность, по которой дѣйствовала въ данную минуту наша пѣхота, представляла изъ себя открытое и довольно ровное поле, слегка повышающееся въ сторону противника, съ 2-3-мя отдѣльными фольварками, занятыми штабами дѣйствовавшихъ дивизій и полковъ съ ихъ резервами.

Цѣпи наши были впереди этихъ фольварковъ, а еще дальше къ противнику, гдѣ кончался подъемъ поля и начинался перегибъ мѣстности, виднѣлись, обрисовываясь на горизонтѣ, двигающіяся мелкія точки — цѣпи противника. За цѣпями противника мѣстность понижалась и что дальше тамъ дѣлалось у нѣмцевъ, — видно не было.

Лощина, въ которую втянулась 2-ая бригада, имѣла направленіе параллельное фронту, была достаточно глубока и длинна и потому бригада свободно въ ней развернулась вся, скрылась въ кустахъ совершенно, а на правомъ ея флангѣ заняла позицію 5-ая гвардейская конная батарея полковника Трепова, также внѣ взоровъ противника. Скатъ этой лощины къ сторонѣ противника былъ

довольно крутъ, при чемъ кусты кончались у верхняго края лощины, послѣ чего сейчасъ же начиналось открытое, описанное выше, повышающееся поле. Подобныя свойства лощины позволяли развернуть въ кустахъ, подъ прикрытіемъ довольно крутого ската, боевой порядокъ всей бригады; въ случаѣ атаки оставалось только подняться въ кустахъ по скату лощины, дойти до опушки кустовъ и подъ ихъ прикрытіемъ можно было бы выжидать удобнаго мгновенія, чтобы начать конную атаку.

Примѣрно противъ середины всего фронта бригады, отъ лощины выдавалась клиномъ впередъ къ сторонѣ противника жидкая березовая роща, съ небольшимъ возвышеніемъ у оконечности клина. Эту оконечность я выбралъ себѣ для наблюденія за мѣстностью и противникомъ, спѣшился, приказалъ отвести лошадей назадъ и сталъ въ бинокль изучать все то, что развертывалось передо мной.

Прямо передо мной, верстахъ въ трехъ, чернѣли и двигались на горизонтѣ отдѣльные люди нѣмецкихъ цѣпей; вправо уступомъ впередъ виднѣлась роща, которую znялъ генералъ Княжевичъ, а лѣвѣе, также уступомъ впередъ, находился фольверкъ, занятый штабомъ и резервомъ ближайшей пѣхотной дивизіи.

Наши цѣпи, отстрѣливаясь рѣдкимъ огнемъ, частью медленно подавались назадъ, частью останавливались и залегали. Давленія нѣмцевъ не чувствовалось, но видимо происходило накопленіе, передвиженіе, устройство передъ общимъ наступленіемъ. Артиллерійскій огонь нѣмцевъ былъ рѣдокъ и снаряды рвались надъ нашими пѣхотными цѣпями надъ фольваркомъ и надъ рощей, занятой 1-ой бригадой. генерала Княжевича.

Полковникъ Треповъ, выбравъ наблюдательный пунктъ, правѣе того мѣста, гдѣ стоялъ я, открылъ огонь по цѣпямъ нѣмцевъ, на каковой тотчасъ же стала отвѣчать нѣмецкая артиллерія, нащупывая безрезультатно нашу батарею: артиллерія же 14 армейскаго корпуса — молчала, и только съ крайняго лѣваго фланга доносились рѣдкіе орудійные выстрѣлы.

Осмотрѣвъ мѣстность и замѣчая нѣкоторое оживленіе у нѣмцевъ, я началъ досадовать на старшихъ офицеровъ бригады съ командиромъ во главѣ, которые, сидя укрыто въ лощинѣ, не проявляютъ никакого стремленія, чтобы лично ознакомиться съ мѣстностью, на которой, быть можетъ, придется идти въ атаку. Участившійся вдругъ огонь батареи Трепова, который сразу навалился на сомкнутую часть противника, появившуюся изъ-за перегиба, побудилъ меня послать ординарца въ лощину съ призывомъ пожаловать ко мнѣ всѣхъ старшихъ лицъ бригады. Въ это же время ко мнѣ прибыли одно за другимъ нѣсколько донесеній и, вѣроятно, нѣмцы это примѣтили, такъ какъ ихъ шрапнель стала рваться надъ рощей, гдѣ я стоялъ, прислонясь къ березѣ.

Постепенно огонь, какъ со стороны Трепова, такъ и со стороны Княжевича, сталъ разгораться; усилили свой огонь и нѣмцы; въ ихъ цѣпяхъ стало замѣтно еще болѣе оживленія; участился трескъ ружейныхъ выстрѣловъ; наши цѣпи поднимались, отходили назадъ, ложились, а нѣмецкія цѣпи становились гуще, продвигались впередъ болѣе настойчиво и планомѣрно; — въ общемъ чувствовалось, что бой медленно разгорается и распространяется по фронту, но какъ-то вяло, неопредѣлен-

но, а между тѣмъ было уже болѣе трехъ часовъ дня и до захода солнца оставалось времени сравнительно немного.

Посланный мною за начальствомъ бригады ординарецъ вернулся и вскорѣ стали показываться изъ кустовъ и подъѣзжать ко мнѣ графъ Нироdъ, генералъ Джунковскій и лейбъ-гусары. Всѣ мы стали въ бинокль разсматривать мѣстность и наблюдать за противникомъ, а также слѣдить за нашей пѣхотой, прикрываясь стволами березъ отъ то и дѣло рвавшихся надъ рощей шрапнелей.

Ружейный огонь учащался, стали ясно видны наши наступающія цѣпи и я съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за противникомъ, постоянно спрашивая самого себя, сумѣю-ли я во время двинуть бригаду въ атаку, какое направленіе ей дать, какъ и куда повести резервы, поддержитъ-ли бригаду генералъ Княжевичъ — цѣлый рой захватывающихъ мыслей тѣснился въ головѣ и чувствовалось, что каждая минута приближаетъ меня къ тому или другому рѣшенію, отъ которыхъ зависятъ и судьбы корпуса, и дивизіи, и моя собственная. Оглянувшись, чтобы подѣлиться своими наблюденіями съ графомъ Нироdомъ, я увидѣлъ, что онъ отъѣхалъ вправо на опушку рощи и, не слѣзая съ коня, изъ-за бугорка наблюдаетъ въ бинокль.

Продолжая мои наблюденія въ бинокль, мое вниманіе привлекла яркая зелень въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на разстилавшемся передо мной полѣ и, хорошенько вглядѣвшись, я къ своему ужасу разсмотрѣлъ, что это были болотистыя мѣста. Наши цѣпи, при своемъ отходѣ, обходя эти зеленыя пятна, только подтвердили мое наблюденіе, и у меня просто сердце похолодѣло, что эти болотистыя

мѣста могутъ разстроить стройность движенія, внесутъ безпорядокъ во время атаки, поведутъ къ напраснымъ потерямъ и поколеблятъ хорошіе шансы атаки. Невольно я сталъ смотрѣть правѣе, отыскивая пространства безъ болотистыхъ мѣстъ, какъ вдругъ мое вниманіе привлекла темная точка, быстро приближавшаяся справа, по діагонали въ рощѣ, гдѣ мы всѣ стояли. Сначала мнѣ показалось, что это бѣжитъ собака, но чѣмъ ближе, тѣмъ яснѣе я различалъ рыжую окраску бѣгущаго животнаго, пушистый хвостъ и, наконецъ, простымъ глазомъ можно было уже различить, что бѣжитъ лисица. Попавъ, вѣроятно, между цѣпями, напуганная огнемъ, лисица обезумѣла и мчалась къ спасительнымъ кустамъ лощины, видимо совершенно ошалѣлая; она скакала тяжело, языкъ свѣсился на сторону и моему охотничьему глазу было ясно, что лисица спасается въ ужасѣ, безъ оглядки, ничего не видя и не соображая. Я обратился къ окружавшимъ и сказалъ:

— Посмотрите, — лисица.

Но не успѣлъ я этого произнести, какъ мое изумленное вниманіе привлекъ графъ Child Нироdъ; съ нимъ произошло что-то странное: бинокль, который онъ держалъ у глазъ,полетѣлъ въ сторону, руки лихорадочно стали разбирать поводья, пара жестокихъ шпоръ заставили смирно стоявшаго коня выгнуть спину, подскочить и сдѣлать какой-то неловкій прыжокъ съ отчаяннымъ взмахомъ хвоста и черезъ секунду графъ Нироdъ, наклонясь къ лукѣ, съ выпученными глазами уже несся полнымъ махомъ на перерѣзъ лисицѣ.

Звонкій разрывъ шрапнели ахнулъ надъ головой, другая шрапнель разорвалась передъ рощей,

еще одна клюнула почти передъ лисицей, но графъ Нироды съ неистовымъ «ату-его» продолжалъ нестись навстрѣчу лисицѣ и нѣмецкимъ шрапнелямъ..

— Эка дернула его нелегкая травить лисицу, — подумалъ я съ досадой. — Тутъ атака на носу, а онъ за лисицей увязался, — и крикъ «графъ Нироды пожалуйте назадъ» готовъ былъ сорваться у меня, но вмѣсто этого крика, что-то бодрящее и веселое заполнило душу, и я не могъ не улыбнуться и не посочувствовать этому охотничьему порыву графа Нирода.

Внѣ всякаго сомнѣнія, по приказу, графъ Нироды поскакалъ бы навстрѣчу нѣмецкимъ шрапнелямъ, выполняя свой долгъ, но кому была бы охота гарцовать на конѣ подъ шрапнелями безъ всякой надобности? Охотничья страсть оказалась сильнѣе и чувства самсохраненія и нравственной обязанности всякаго воинскаго чина, а тѣмъ болѣе генерала, не рисковать собой безъ необходимости.

Тѣмъ временемъ, лисица, метнувшись въ сторону отъ клевка снаряда, а быть можетъ, на нее страшнѣе снаряда подѣйствовало неистовое атуканье графа Нирода, — благополучно достигла опушки и скрылась въ кустахъ, взмахнувъ трубой на прощанье.

Графъ Нироды, доблестно протравивъ лисицу въ совершенно необычной, надо правду сказать, обстановкѣ, поторопился не безъ нѣкоторой поспѣшности убраться отъ шрапнелей подъ покровъ рощи. На его лицѣ виднѣлось и радостное возбужденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторое смущеніе, какъ будто неувѣренность и упрекъ самому себѣ, хорошо-ли онъ поступилъ, поддавшись охотничьему увлеченію въ такую минуту, когда обстановка тре-

бовала обдумыванья вопросовъ много болѣе серьезныхъ, чѣмъ травля лисицы. Но надо правду сказать, что травля произвела на всѣхъ присутствующихъ бодрящее и хорошее впечатлѣніе.

Даже спокойный и сумрачный въ эту минуту генералъ Джунковскій широко улыбнулся и, оторвавъ глаза отъ бинокля, слѣдилъ глазами за графомъ Databaseомъ и когда графъ Databaseъ, окончивъ травлю, скакалъ назадъ, — произнесъ «здорррово». Мнѣ, какъ начальнику дивизіи, слѣдовало сдѣлать графу Databaseу замѣчаніе, но я самъ охотникъ и въ эту минуту начальникъ во мнѣ сказался слабъ, да къ тому же побѣдителей нечего судить; въ данномъ же случаѣ графъ Databaseъ одержалъ нравственную побѣду, приподнявъ общее настроенніе, что было въ эту серьезную минуту немаловажно.

Между тѣмъ на фронтѣ оживленіе въ артиллерійскомъ и пѣхотномъ огнѣ все усиливалось. Полковникъ Треповъ щедро пользовался своимъ запасомъ снарядовъ и обстрѣливалъ всякое появленіе группъ нѣмцевъ, показывавшихся изъ-за перегиба; со стороны генерала Княжевича слышалась также орудійная и подчасъ и пулеметная стрѣльба; влѣво отъ фольварка трещали пулеметы нашей пѣхоты, а нѣмцы, хоть и поддерживали сильный ружейный и артиллерійскій огонь, но постепенно наши цѣпи стали подходить къ намъ все ближе и ближе и нѣмцы ихъ не преслѣдовали. Разстояніе между противниками все увеличивалось и вскорѣ стало очевиднымъ, что нѣмцы провожаютъ уходящій корпусъ огнемъ, но сами впередъ не продвигаются.

Вскорѣ я получилъ донесеніе, что къ правому флангу 2-ой бригады подошла пѣшая батарея съ двумя батальонами пѣхоты; эти батальоны выдви-

нули впередъ свои цѣпи, а новая батарея смѣнила батарею Трепова. Я отправился къ этимъ вновь прибывшимъ частямъ и тутъ получилъ одно за другимъ два донесенія: отъ генерала Жилинскаго и отъ начальника пѣхотной дивизіи, дѣйствовавшей передъ нашимъ фронтомъ. Генералъ Жилинскій горячо благодарилъ за содѣйствіе, радуясь, что не пришлось атаковать, а начальникъ дивизіи сообщалъ, что онъ благополучно вышелъ изъ огня и сосредоточивается въ лощинѣ за нашей второй бригадой. Нашей дивизіи больше было дѣлать нечего.

Пославъ за первой бригадой, дивизія двинулась на востокъ, освободивъ районъ дѣйствій нашей пѣхоты отъ нашего присутствія.

Атаковать намъ не пришлось, но наше прибытіе въ свое время непосредственно въ районъ пѣхотныхъ цѣпей, а слѣдовательно, съ рѣшительными намѣреніями, а также порядокъ расположенія бригады и энергичное дѣйствіе конной артиллеріи, не жалѣвшей снарядовъ, — сдѣлали свое дѣло: 14 армейскій корпусъ оторвался отъ нѣмцевъ, вышелъ изъ огня благополучно и въ дальнѣйшемъ продолжалъ свое планомѣрное отступленіе.

У меня въ душѣ было радостное сознаніе, что мы сдѣлали свое дѣло, готовясь сознательно къ полному самопожертвованію и помогли корпусу; однако, гдѣ-то въ тайникахъ душевныхъ шевелилось досадливое сожалѣніе, что нѣмцы прекратили наступленіе и благодаря этому я не смогъ бросить доблестные полки дивизіи въ бой, чтобы боемъ дать возможность 14-ому армейскому корпусу выйти изъ огня и благополучно отступить.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но каждый

разъ, когда я вспоминаю описаный мною день, то на ряду съ волнующими и захватывающими моментами въ предвидѣнiи конной атаки, которые и теперь волнуютъ меня, когда я уношусь въ прошлое, — неизмѣнно передо мной ярко встаютъ подробности травли, и я вижу, точно это было вчера, — обезумѣвшую лисицу, несущагося всадника — графа Нирода и дымки нѣмецкихъ шрапнелей.

Генералъ Эрдели.

Парижъ, 1928 г.

ЛЕЙБЪ - ДРАГУНЫ
ВЪ КОЗЛОВО-РУДСКИХЪ ЛѢСАХЪ

Прошло съ тѣхъ поръ тринадцать лѣтъ и теперь могу написать только о томъ, что сохранилось у меня въ памяти, т. к. никакихъ замѣтокъ у меня не осталось, вслѣдствіе прежитаго смутнаго времени.

А потому читателей, родныхъ Лейбъ-Драгунъ, прошу строго меня не осудить за возможныя неточности. Въ концѣ апрѣля, началѣ мая 1915 года Лейбъ-Драгуны въ составѣ дивизіи, послѣ несенія строжевой и развѣдывательной службы въ районѣ дд. Кизе-Гуделе, Дембова — противъ г. Маріамполя, который былъ занятъ нѣмцами, были передвинуты въ д. Вусоную-Руду, расположенную среди Козлово-Рудскихъ лѣсовъ. Здѣсь среди малонаселенной мѣстности, окруженной большими лѣсами, Лейбъ-Драгуны продолжали нести ту же сторожевую и развѣдывательную службу.

Въ началѣ мая нѣмцы занимали линіи дд. Гришка Буда - Дембова - Янова, Мешка Буда и др. Буды;

по словамъ плѣннаго нѣмца, тамъ была Ландверная пѣхота. Второму полу-эскадрону 3-го эскадрона съ корнетами Дембовецкимъ и Мухля приказано было выгнать нѣмцевъ изъ фольварковъ Дембова; они выполнили эту задачу и захватили одного раненаго нѣмца. По занятіи Дембова нѣмцы часто насъ безпокоили, ведя успѣшную развѣдку, сперва конную, а потомъ пѣшую. Мы старались ихъ близко къ себѣ не допускать; тогда имъ помогала артиллерія, обстрѣливая шрапнелью наши заставы. Повидимому, нѣмцы къ чему-то готовились.

Дѣйствительно, около 15 мая они повели наступленіе на наше сторожевое охраненіе, въ которомъ въ этотъ день были второй, пятый и первый полуэскадронъ 3-го эскадрона. Вторымъ командовалъ штабсъ-ротмистръ Фришъ, пятымъ ротмистръ Березинъ, а въ полуэскадронѣ 3-го эскадрона были корнеты Александровскій и Скворцовъ. Мы встрѣтили противника сильнымъ ружейнымъ огнемъ и въ виду того, что наступала нѣмецкая пѣхота въ превосходныхъ силахъ, о чемъ донесла развѣдка наша, мы получили отъ начальника сторожевого охраненія полковника Побѣдимова приказаніе постепенно отступать. На нашемъ правомъ флангѣ находилась первая Гвардейская Кавалерійская Дивизія, на которую нѣмцы особенно насѣдали съ цѣлью прикрыть свою переправу на правый берегъ Нѣмана около Сапежишекъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда угрожать Ковну съ сѣвера. Первая Гвардейская Кавалерійская Дивизія подъ напоромъ пѣхоты противника стала отступать, вслѣдствіе чего имъ приказано было занять позицію по линіи р. Юры, задерживаясь по пути возможно дольше. Дивизіону Лейбъ-Драгунъ, въ составѣ перваго и третьяго эс-

кадроновъ (ротмистръ Полозовъ и ротмистръ баронъ Нетельгорстъ 1) и двумъ эскадронамъ Гусаръ Е. В. съ командирами эскадроновъ Шеншинымъ и Велепольскимъ, подъ общимъ начальствомъ полковника Романовича 1-го приказано было задерживать нѣмцевъ на линіи ручья до смѣны другими эскадронами.

Съ разсвѣтомъ нѣмцы снова повели наступленіе и потѣснили наши дивизіоны до главной дороги, ведущей къ Штабу Дивизіи. Упорно обороняя плотину, за которой былъ расположенъ Штабъ Дивизіи, эскадроны перешли дефиле тогда только, когда былъ уже подъ сильнымъ огнемъ Штабъ Дивизіи и начали нести потери. Такъ былъ раненъ штабсъ-ротмистръ Кучевскій И. М. и Вилькманъ 2-ой (?), вахмистръ Команды Связи (фамилія ?) телефонисты.

Эскадроны отошли къ лѣсу, занявъ его опушку на широкомъ фронтѣ, имѣя р. Юру уже передъ собою. Коноводы были въ Козлово-Рудскомъ лѣсу, что около станціи желѣзной дороги того же названія. Въ часовъ приблизительно шесть вечера пріѣхалъ къ намъ Начальникъ Дивизіи генералъ Эрдели и началъ объяснять обстановку и о трудномъ положеніи первой Гвардейской Кавал. Дивизіи, особенно полка Конно-Гвардіи.

Мы, т. е. группа офицеровъ съ генераломъ Эрдели, находились на западной опушкѣ лѣса, который примыкаетъ своей юго-восточной стороной къ станціи желѣзной дороги Козлова-Руда. Прошло не болѣе минутъ двадцати, какъ вдругъ со стороны р. Юры открылся сильный ружейный и пулеметный огонь (какъ говорили послѣ, нѣмцы стрѣляли

разрывными пулями) по опушкѣ лѣса, занятой нашими спѣшенными эскадронами .

Всѣ мы, не ожидая никакихъ распоряженій, направились кто къ коноводамъ, кто къ спѣшеннымъ частямъ, кто верхомъ, а кто и пѣшкомъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и я.

Вотъ это послѣднее обстоятельство послужитъ дальнѣйшимъ моимъ разсказомъ.

Драгунъ эскадрона Прохоръ Чижевскій, который былъ у меня уже болѣе двухъ лѣтъ деньщикомъ, за нѣсколько дней до этого случая, выразилъ желаніе ѣхать со мной вмѣсто вѣстового Парфенова. Лошадь свою я оставилъ съ нимъ въ головѣ коноводовъ № 1 эскадрона, куда я и устремился по дорогѣ, услышавъ стрѣльбу. Но лошади своей нигдѣ не могъ найти. Какъ оказалось послѣ, Чижевскій повелъ мнѣ ее навстрѣчу, — но мы разминулись. Не найдя лошади, я рѣшилъ пробираться пѣшкомъ въ сторону общаго теченія. Пули такъ и жужжали вокругъ меня, а конные одиночные проскакивали мимо. Почувствовавъ усталость и видя, что уже изрѣдка обгоняютъ меня конные Драгуны, — я остановилъ одного изъ послѣднихъ и спросилъ, гдѣ полкъ, и если онъ знаетъ, чтобы провелъ меня!

Онъ моментально соскочилъ съ коня, сказавъ:

— Садитесь, Ваше Высокоблагородіе!

Предполагая, что полкъ недалеко, я отказался сѣсть, но онъ настойчиво просилъ меня садиться верхомъ и пришлось согласиться. Драгунъ этотъ былъ пятаго эскадрона, фамилію не помню, а замѣтки мои погибли. Какъ только показался я верхомъ, вокругъ меня начали собираться Драгуны и вскорѣ

оказалось человѣкъ пятнадцать. Теперь я почувствовалъ себя совсѣмъ хорошо, и мы поѣхали дальше лѣсомъ безъ дороги; выстрѣлы долетали рѣже и гулъ былъ слабѣе. Вскорѣ мы наткнулись на нашу конную артиллерію (не помню вторую или пятую батарею), которая стояла въ лѣсу въ походной колоннѣ, лицомъ къ противнику. Артиллерія стояла спокойно и не знала, что творится кругомъ. Командиръ или старшій офицеръ, не помню, узнавъ о приближающейся опасности, просилъ помочь ему скорѣе завернуть орудія въ лѣсу. Я спѣшилъ своихъ Лейбъ-Драгунъ, быстро помогли артиллеріи, и выслалъ сейчасъ же развѣдку, отыскать путь къ полотну желѣзной дороги, и мы тронулись. Въ это время подъѣхалъ ко мнѣ корнетъ Іонинъ и сообщилъ, что онъ раненъ.

Задерживаться въ лѣсу было опасно, а корнетъ Іонинъ на мой вопросъ сказалъ, что онъ можетъ пока ѣхать верхомъ. Приставивъ двухъ Лейбъ-Драгунъ по обѣимъ сторонамъ корнета, мы продолжали двигаться дальше и только съ началомъ темноты выбрались изъ лѣсу къ полотну желѣзной дороги, ведущей на Ковно. Въ часовъ одиннадцать ночи мы добрались до станціи Мавруцы, такъ какъ не знали, гдѣ дивизія и куда ѣхать. Отсюда по телефону я узналъ, что Дивизія наша расположилась на ночлегъ въ районѣ д. Вейверы. Я поспѣшилъ туда, такъ какъ очень меня интересовало, что было дальше, гдѣ мой Чижевскій и лошадь? Оказалось, что Чижевскій искалъ меня по лѣсу до тѣхъ поръ, пока самъ чуть было не попалъ въ плѣнъ, и не найдя меня въ эскадронѣ, возвратясь поздно вечеромъ, былъ очень опечаленъ.

Дивизія переночевала у д. Вейвера; отъ наше-

го полка въ д. Тарпутышки въ сторожевомъ охраненіи былъ третій эскадронъ; служба тамъ въ ту ночь была безпокойная.

Черезъ нѣсколько дней Лейбъ-Драгуны заняли позицію сѣверо-западнѣе Ковна.

Я. Романовичъ (2-й).

ЧЕТЫРЕХВЕРСТНЫЙ ГАЛОПЪ ВЪ КРАСНОМЪ СЕЛѢ

Было лѣто. Полкъ стоялъ въ лагеряхъ, по деревнямъ подъ Дудергофомъ.

Было время конца полковыхъ ученій.

Какъ-то разъ всѣ офицеры 2-го, 5-го и 6-го эскадроновъ сидѣли за завтракомъ Гаргинской артели. Въ концѣ стола, на предсѣдательскомъ мѣстѣ, сидѣлъ командиръ 6-го эскадрона, ротмистръ, баронъ Гервартъ.

Баронъ Гервартъ былъ уже пожилой офицеръ, чрезвычайно веселый и остроумный; онъ любилъ выпить и, во время завтраковъ и обѣдовъ, разсказывалъ пресмѣшныя вещи, отъ которыхъ мы всѣ покатывались отъ хохота.

Разговоръ шелъ о томъ, что офицерами всѣхъ полковъ, во главѣ съ командиромъ полка, будетъ сдѣланъ пробѣгъ на четыре версты полевымъ галопомъ съ восемью препятствіями.

Это была новая вещь и очень многіе ея побаивались.

Проскакать четыре версты полевымъ галопомъ

нетренированному офицеру на нетренированной лошади было уже весьма непріятно. А тутъ еще восемь препятствій.

Не ѣхать было нельзя... Нужно было готовиться и даже не показывать чувства волненія.

Во время завтрака пріѣхалъ кто-то изъ штаба полка и сообщилъ, что четырехверстный галопъ назначенъ ровно черезъ двѣ недѣли.

Конечно, всѣ начали обсуждать этотъ столь интересный вопросъ.

Совѣтовались со спортсмэнами, какъ подтренировать лошадей и самого себя; на какой лошади ѣхать; какъ лучше прыгать препятствія и т. д.

Въ это время въ столовую вошелъ штабсъ-ротмистръ Желтухинъ 3-ій или Костя Желтухинъ, какъ мы всѣ его называли.

Костя Желтухинъ совсѣмъ не былъ спортсмэномъ.

Верховая ѣзда, барьеры, гимнастика и прочее, его интересовали только теоретически.

Садился онъ на свою вѣрную кобылу «Плевну» лишь тогда, когда это требовалось приказомъ по полку.

Я сейчасъ еще совершенно ясно представляю себѣ Костю Желтухина, сидящаго на своей маленькой англо-арабской кобылѣ «Плевнѣ».

«Плевна» была чрезвычайно добродушнаго нрава; знала отлично строевой кавалерійскій уставъ, и кротко и безропотно повиновались своему ѣздоку.

Костя имѣлъ привычку, даже стоя на мѣстѣ, такъ натягивать подводья, что если бы (какъ говорилъ Николай Николаевичъ Лихтанскій) кто-нибудь подкрался съ двумя большими ножницами и

вдругъ перерѣзалъ бы сразу всѣ четыре повода, то Костя полетѣлъ бы вверхъ ногами черезъ голову назадъ.

Но «Плевна», согнувъ кольцомъ шею, собиралась до отказа и стояла не шевелясь, закладывая лишь одно ухо назадъ и косясь, посматривала своими большими красивыми глазами.

Влеченія къ спорту не было также и у «Плевны».

Когда Костя Желтухинъ показался въ дверяхъ столовой, Гервартъ поднялъ указательный палецъ, раскрылъ широко глаза и, принявъ серьезный и важный видъ, обратился къ нему:

— Знаешь, Костя, — сказалъ онъ медленнымъ трагичнымъ голосомъ, — сегодня ровно черезъ двѣ недѣли назначенъ галопъ на четыре версты. Будетъ восемь препятствій, а послѣднее — гандикапъ.

Костя, да и, пожалуй, самъ Гервартъ не знали, что такое гандикапъ. Знали лишь, что это что-то скаковое и, вѣроятно, скорѣе всего непріятное.

Костя Желтухинъ остановился, закрылъ дверь и, скрывая волненіе, съ разстановкой спросилъ:

— А скажи, пожалуйста, баронъ, что это такое гандикапъ?

— Я тебѣ объясню, Костя, — отвѣтилъ тѣмъ же трагичнымъ голосомъ Гервартъ. — Гандикапъ это нѣчто вродѣ западни. Четыре версты мы съ тобою, Костя, проскачемъ; черезъ восемь препятствій, если дастъ Богъ, какъ-нибудь переселимся; а вотъ на гандикапѣ — капутъ!

Гервартъ изобразилъ на лицѣ отчаяніе и махнулъ рукою.

— Да, Костя, — прибавилъ онъ, — все зло въ гандикапѣ.

Прошло двѣ недѣли.

На военномъ полѣ отъ Краснаго Села до Стрѣлковыхъ валовъ Гаргина была проложена линія четырехверстнаго галопа. Издали видны были препятствія, около которыхъ стояли офицеры, назначенные судьями. У начала и конца линіи виднѣлись группы начальства; всюду разъѣзжали всадники, пріѣхавшіе посмотрѣть на галопъ.

Уже первая дивизія окончила пробѣгъ.

Прошли Конно-Гренадеры; прошли Лейбъ-Уланы; очередь была за нами.

Мы стояли въ колоннѣ по три разомкнутыми рядами и ждали сигнала.

Впереди, на большой широкой ганноверской кобылѣ «Стелла» сидѣлъ нашъ командиръ герцогъ Георгій Георгіевичъ Мекленбургскій. Онъ время отъ времени поворачивался къ стоящимъ сзади полковникамъ, дѣлалъ гримасу, зажимая одинъ глазъ, и громко вздыхалъ, подымая губы къ носу и втягивая воздухъ.

На лѣвомъ флангѣ по три стояли поручики и корнеты со счастливыми и нетерпѣливыми лицами, весело перемигиваясь и принимая какія-то экстравагантныя скаковыя позы...

Наконецъ, вдругъ раздалась команда:

— Господа офицеры Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка — готовьтесь!

Всѣ подобрали поводья. Лошади, только что какъ бы дремавшія, встрепенулись. Переступая съ ноги на ногу, скребя передней ногой землю и грызя удила, онѣ насторожились.

— Господа офицеры ! — Пошелъ!

Какъ одинъ, всѣ ринулись хорошимъ галопомъ впередъ, равняясь и держа дистанцію.

Впереди, немного оторвавшись, несся герцогъ сидя въ сѣдлѣ и выставивъ впередъ ноги.

«Стелла» его тащила; онъ ее съ трудомъ сдерживалъ и тяжело дышалъ.

Далѣе скакали полковники, ротмистры, а за ними облако густой пыли съ силуэтами скачущихъ лошадей и ярко вспыхивавшими отблесками аммуниціи и оружія.

У насъ на лѣвомъ флангѣ изъ-за пыли ничего не было видно.

Видны были уши своей лошади и какъ бы въ туманѣ мелькавшія заднія ноги впереди идущихъ лошадей.

Появлялась вдругъ темная полоса препятствія.

«Хопъ!»... и она исчезала, и опять все неслось дальше.

Одно препятствіе. Второе. Третье...

Вдругъ въ пыли появилось что-то темное. Я увидалъ крупъ лошади. Поводья у нея висѣли; одно стремя было закинуто; у нея былъ растерянный видъ.

Это была «Плевна». Видимо, она не знала, что ей дѣлать. Оставаться ли съ хозяиномъ или слѣдовать за нами.

Мы, какъ вѣтеръ, неслись дальше... Препятствіе за препятствіемъ...

Еще по дорогѣ промелькнули двѣ лошади безъ всадниковъ. Наконецъ, столбъ съ факеломъ, и всѣ остановились.

Я оглянулся назадъ.

За нами скакала «Плевна» съ развѣвавшимися крыльями сѣдла и болтающимися стременами.

Она подскакала; сразу остановилась; раздувши

ноздри, громко захрапѣла и, нагнувшись, стала ѣсть траву...

Почему-то въ этотъ моментъ мнѣ вдругъ вспомнился разговоръ Герварта съ Костей Желтухинымъ въ столовой Гаргинской артели.

Я ясно вспомнилъ: «Четыре версты мы съ тобою, Костя, проскачемъ, черезъ восемь препятствій, если дастъ Богъ, какъ-нибудь переселимся. А вотъ на гандикапѣ — капутъ».

Но бѣдному Костѣ Желтухину такъ и не удалось доскакать до гандикапа.

Полк. Гриммъ.

«ЛЕЙБЪ - ДРАГУНЪ ОМЕЛЬЧЕНКО»

Всѣмъ еще памятно какъ печально окончился такъ блестяще начатый нами съ самымъ объявленіемъ войны набѣгъ на Восточную Пруссію.

Послѣ разгрома арміи Самсонова, нѣмцы навалились всѣми силами на 14-ую армію генералъ-адъютанта Ренненкампфа, въ составъ которой входила тогда наша 2-ая Гвардейская Кавалерійская дивизія и послѣ ряда кровопролитныхъ боевъ, изъ-подъ Кенигсберга, куда мы побѣдоносно дошли, загнали насъ за р. Нѣманъ. Грустный видъ представляла изъ себя наша чудная дивизія, всего за нѣсколько мѣсяцевъ до этого въ такомъ блестящемъ порядкѣ вступившая въ походъ со своихъ мирныхъ стоянокъ подъ С.-Петербургомъ.

Люди и лошади измотались въ конецъ и на время дивизія потеряла свою боеспособность: изъ лоднихъ больныхъ, натертыхъ и искалѣченныхъ лошадей составили цѣлую команду, которую выдѣлили изъ состава дивизіи и отправили на поправку подъ Вильно.

Вскорѣ къ намъ стали подходить маршевые

эскадроны, закипѣла работа въ полкахъ, и какъ выздоравливающій человѣкъ ежедневно чувствуетъ, что его силы возстанавливаются, такъ и мы чувствовали, что скоро мы вновь займемъ наше почетное мѣсто среди Русской кавалеріи. Это случилось даже гораздо раньше, нежели мы ожидали, такъ какъ выяснилось, что непріятельскія силы, стоявшія передъ нами, вѣроятно, предполагая, что покончили съ нами надолго, начали свою переброску на другой фронтъ, оставивъ передъ нами незначительный заслонъ.

Мы немедленно получили приказаніе перейти рѣку Нѣманъ и вновь придвигаться къ знакомой уже намъ границѣ Восточной Пруссіи.

Было это зимой 1914 года.

Страна, по которой пришлось идти, и въ мирное время не блещетъ богатствомъ, а тутъ, послѣ прохожденія черезъ нее двухъ воюющихъ армій, она представляла такую ужасную картину полнаго мораззоренія, которая навсегда запечатлѣлась въ моемъ мозгу.

На всемъ пути слѣдованія, куда только ни глядѣлъ глазъ, не было видно ни одной цѣлой деревни. Кое-гдѣ, какимъ-то чудомъ спасшаяся, выдѣлялась одинокая избенка, въ которой ютились какія-то потерявшія человѣческій образъ существа.

Вотъ тутъ-то и произошелъ небольшой эпизодъ, ярко рисующій тѣ отношенія, которыя существовали въ Русской Императорской Арміи между офицеромъ и солдатомъ.

Подъ вечеръ, имѣя Лейбъ-Драгунъ въ авангардѣ, наша дивизія подошла къ нѣмецкой границѣ.

Приказано было остановиться на ночлегъ, вы-

ставивъ сторожевое охраненіе и выслать за-границу нѣсколько офицерскихъ разъѣздовъ.

Какъ сейчасъ помню, какъ отъ Лейбъ-Драгунъ пошелъ взводъ подъ командою прапорщика Литвинова, который, получивъ свою задачу, вскорѣ скрылся изъ виду по направленію вражеской страны.

Переходъ былъ очень тяжелый.

Дороги... да какія тамъ дороги!.. Просто непролазная грязь, въ которой несчастныя лошади вязли по колѣно. Къ тому же не перестающій дождь и холодный, пронизывающій вѣтеръ, т. ч. свободные отъ наряда люди думали только объ одномъ: куда бы преклонить усталыя головы и хоть немного погрѣться.

Во всей, повидимому, еще недавно, цвѣтущей деревнѣ оставался одинъ, какъ то отдѣльно стоявшій дворъ съ порядочнымъ домомъ посрединѣ. Штабъ полка, конечно, немедленно занялъ этотъ домъ и толпа офицеровъ, со мною во главѣ, счастливые, что будетъ возможность хоть немного отдохнуть и обогрѣться, съ шумомъ ввалились изъ темной прихожей въ большую, полусвѣтлую комнату.

Зрѣлище, которое намъ представилось, заставило насъ сразу замолчать и осталось навсегда запечатлѣннымъ въ моемъ мозгу.

На большомъ столѣ, совершенно одинокимъ, покрытый какимъ-то тряпьемъ, умиралъ, вѣроятно отъ чахотки, какой то человѣкъ!

Онъ былъ уже въ полной агоніи, грудь его съ трудомъ подымалась и наступившую вдругъ гробовую тишину нарушалъ его ужасный, все слабѣющій хрипъ.

Мы всѣ стояли, какъ остолбенѣлые! Вскорѣ грудь умирающаго перестала подыматься, хрипъ прекратился и докторъ Первовъ, бывшій вмѣстѣ съ нами, подошелъ къ столу и констатировалъ смерть...

Мы были до того уставшими, на дворѣ такъ ужасно завывалъ вѣтеръ и дождь такъ хлесталъ въ окна, что, зная, что нигдѣ другого убѣжища не найдешь, мы рѣшили остаться тутъ же въ той же комнатѣ съ еще теплымъ покойникомъ на столѣ и бросившись на принесенную драгунами солому, прямо на полу заснули, какъ убитые.

Черезъ нѣсколько часовъ откуда-то пріѣхали родственники покойнаго и увезли тѣло, но мы этого даже и не слыхали.

Подъ утро я почувствовалъ, что меня кто-то будитъ.

— Раненый изъ разъѣзда прапорщикъ Литвинова, — услыхалъ я голосъ.

Эти слова сразу разогнали у меня сонъ. На дворѣ раздался скрипъ телѣги, голоса и топотъ лошадей.

Выбѣжавъ въ одномъ кителѣ, въ которомъ спалъ, я увидѣлъ посреди двора крестьянскую телѣгу, на ней, на сѣнѣ лежалъ на спинѣ съ закрытыми глазами раненый Лейбъ-Драгунъ Омельченко и изъ угловъ рта у него текла розовая пѣна.

Рана была ужасной, т. к. пуля пробила шейку приклада винтовки, которая была у него за спиною, деформировалась и въ такомъ видѣ застряла въ правомъ легкомъ.

Надъ нимъ суетились два фельдшера и неутомимый докторъ Первовъ.

Я съ грустью смотрѣлъ на этого молодого человѣка, котораго я проводилъ нѣсколько часовъ тому назадъ полнаго силъ! Привезшій его унтеръ-офицеръ доложилъ, что какъ только разъѣздъ перешелъ границу, его обстрѣляли и ранили Омельченко. Къ счастью нашлась подвода, и Литвиновъ нарядилъ унтеръ-офицера сопровождать и доставить раненаго въ полкъ.

Кругомъ телѣги собралась толпа драгунъ, двое держали лампу, при свѣтѣ которой Первовъ дѣлалъ перевязку.

Я стоялъ облокотившись объ подводу у самой головы раненаго.

Казалось, что онъ уже «отошелъ», такъ какъ продолжалъ лежать съ закрытыми глазами, безъ всякаго движенія.

Вдругъ я замѣтилъ, что у него зашевелились губы и онъ чуть слышно прохрипѣлъ «пить»... Я спросилъ у доктора Первова, можно ли дать раненому пить и онъ, наклонившись къ моему уху, тихо сказалъ:

— Конечно, можно: все равно ему не жить.

Кто то принесъ, какъ сейчасъ помню въ эмалевой кружкѣ, воды и приложилъ къ губамъ раненаго. Съ большимъ усиліемъ, видимо, ужасно страдая, онъ сдѣлалъ 2-3 глотка и открылъ глаза.

Обведя взглядомъ всѣхъ присутствующихъ, онъ остановилъ свой взоръ на мнѣ.

Узнавъ меня, онъ повидимому силился что то сказать, но видно, что это ему было невыносимо тяжело.

Вдругъ мы всѣ, стоявшіе ближе, услыхали,

какъ, корчась отъ боли, Омельченко сказалъ тихимъ, прерывающимся голосомъ:

— Командиру... шинель... простудится... — и вновь впалъ въ забытье...

Много съ той минуты протекло времени, много ужасовъ пережито, а когда вспоминаю этотъ случай, на глаза невольно наворачиваются слезы... Вотъ какія отношенія существовали между офицерами и солдатами въ Всероссійской Императорской Арміи!

Въ сущности этимъ бы и слѣдовало окончить разсказъ, но для будущаго полкового историка сообщу нижеслѣдующее: не пришедшаго въ себя Омельченко, въ той же подводѣ, въ сопровожденіи того же унтеръ-офицера отправили на ближайшую желѣзнодорожную станцію. На его счастіе, къ моменту его прибытія, къ станціи подошелъ санитарный поѣздъ Императрицы Александры Өеодоровны, на который его немедленно взяли. Съ мѣста ему сдѣлали очень серьезную операцію, послѣ которой онъ долго былъ между жизнью и смертью. Сильная, здоровая, молодая натура взяла свое, онъ началъ поправляться и поступилъ въ Одесскій военный госпиталь.

6 мѣсяцевъ спустя, полкъ былъ уже гдѣ-то въ Царствѣ Польскомъ.

Командиръ эскадрона, ротмистръ Бендерскій доложилъ мнѣ съ улыбкой, что у него въ эскадронѣ «бѣглый»!!!

— Какъ бѣглый? — удивился я и вдругъ увидалъ стоявшаго за Бендерскимъ съ улыбкой черезъ все похудѣвшее лицо — Омельченко!!

— Ты откуда?

— Да бѣжалъ изъ госпиталя въ полкъ, — бо-

ялся, что не въ нашъ полкъ назначатъ по выздоровленіи, — просто отвѣтилъ онъ.

Я почувствовалъ, что у меня что то подступаетъ къ горлу, и я обнялъ и поцѣловалъ сіяющаго Омельченко.

Графъ Нироdъ.

Сандрикуръ
1-14 августа 1928 г.

***

Ночь. Теплая, темная, тихая августовская ночь. Первая ночь въ настоящей боевой обстановкѣ. Почти для всѣхъ чиновъ полка первая дѣйствительная ночь среди шрапнельныхъ и ружейныхъ пуль, подъ осколками орудійныхъ снарядовъ...

Полкъ на вражеской землѣ; полку приказано занять и держаться въ мѣстечкѣ Ширвиндтъ до подхода пѣхотныхъ частей. Штабъ полка расположился въ центрѣ мѣстечка на перекресткѣ улицъ у кафе-пивной, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ сидѣли непріятельскіе офицера и солдаты, пили пиво и курили сигары. Столъ и стулья вынесены изъ пивной на улицу, командиръ полка отдаетъ приказанія, адьютантъ заноситъ ихъ въ полевую книжку, начальники разъѣздовъ слѣдятъ по картамъ путь своего слѣдованія и, выслушивая внимательно заданіе, отходятъ къ своимъ разъѣздамъ и объясняютъ драгунамъ возложенную на нихъ задачу. Слышны удаляющіеся удары подковъ по камнямъ улицъ мѣстечка — то разъѣзды и эскадроны расходятся въ разныя стороны, чтобы исполнять задачу, исполнять то маленькое дѣло, изъ серіи которыхъ должно вырасти общее большое дѣло, возложенное Царемъ и Родиной на Русскую Армію.

Думаю, что эта первая ночь, проведенная на

вражеской землѣ, эти первые выстрѣлы съ обѣихъ сторонъ и ея первыя жертвы, для всего полка останутся навсегда въ памяти и ни революція, ни бѣженство не вычеркнутъ ихъ и не сгладятъ этихъ яркихъ воспоминаній. Я получилъ приказаніе занять отдѣльной заставой въ полъ взвода, впереди сторожевого охраненія, мельницу, находящуюся къ сѣверу отъ мѣстечка и расположенную на горкѣ около шоссе. Приказаніе отдано и полъ взвода четвертаго эскадрона вытянулись изъ мѣстечка по шоссе на сѣверъ. Оставивъ заставу укрыто, не доходя назначеннаго мѣста и, выславъ впередъ двухъ дозорныхъ развѣдчиковъ, я съ вѣстовымъ и взводнымъ выѣхалъ впередъ и выбралъ мѣсто для заставы, коноводовъ и часового. Кругомъ тихо, не видно и не слышно присутствія непріятеля, гдѣ то впереди насъ ждетъ ихъ пуля, пика и палашъ... Расположивъ укрыто коноводовъ, выставивъ часового и подчаска точно по уставу, я увидѣлъ, что расположеніе моей заставы можетъ быть на разсвѣтѣ обнаружено противникомъ и потому рѣшилъ, воспользовавшись тишиной, изъ попавшагося подъ руку матеріала, соорудить блиндажи и расположилъ впереди мельницы за укрытіемъ изъ досокъ и камней цѣпь стрѣлковъ: силы моей заставы въ случаѣ появленія противника были бы этимъ самымъ увеличины въ 2-3 раза. Высланные впередъ дозорные нѣмцевъ не обнаружили, связь съ сторожевымъ охраненіемъ полка была установлена, мною послано въ штабъ полка донесеніе и кроки съ расположеніемъ моей заставы. Отъ дозорныхъ для связи узналъ, что нѣмцы ведутъ обстрѣлъ мѣстечка изъ орудій и наши эскадроны, укрывшись за строеніями, должны пока лишь отстрѣливаться.

Временами огонь усиливался и снаряды ложились иногда около занимаемой мной мельницы. Дозорные мнѣ донесли, что въ мѣстечкѣ есть раненые и есть убитые лошади; какъ я узналъ впослѣдствіи, л.-драгуны коноводы, держа за поводья 3-хъ, 4-хъ лошадей, умудрялись засыпать крѣпкимъ сномъ, подъ шумъ разрывающихся снарядовъ, подъ самымъ непосредственнымъ приближеніемъ опасности. Посланные л.-драгуны за пропитаніемъ, привезли хлѣба, сыръ и колбасы и мнѣ удалось накормить всѣхъ людей до разсвѣта. Незадолго до моего ухода съ заставы, часовой, наблюдавшій за мѣстностью съ крыши мельницы, доложилъ мнѣ, что онъ видитъ какихъ-то всадниковъ, приближающихся къ намъ. Въ это время у меня впереди мельницы уже были расположены л.-драгуны стрѣлки между болванками и для нѣмцевъ силы моей заставы должны были казаться не менѣе полу эскадрона. Забравшись къ часовому, я въ бинокль увидѣлъ двухъ конныхъ нѣмцевъ на рыжихъ лошадяхъ, дѣйствительно идущихъ въ нашу сторону. Это были первые настоящіе нѣмецкіе солдаты-кавалеристы, которыхъ я увидѣлъ, это былъ тотъ самый противникъ, котораго я призванъ уничтожать и который въ свою очередь меня долженъ или убить или взять въ плѣнъ. Я отдалъ приказаніе не стрѣлять до моего приказанія и не выдавать своего присутствія. Нѣмцы двигались не скрытно, всматриваясь и изрѣдка оборачиваясь назадъ, видимо это были дозорные отъ разъѣзда. Изрѣдка они останавливались, одинъ изъ нихъ смотрѣлъ въ бинокль и затѣмъ снова продвигался впередъ. Я слѣдилъ за ихъ движеніями сначала въ бинокль, а затѣмъ и простымъ глазомъ. Вдругъ, точно увидѣвши насъ, нѣмцы скинули свои караби-

ны и начали стрѣлять въ нашемъ направленіи; нѣсколько пуль щелкнуло въ мельницу, остальныя просвистѣли гдѣ то въ воздухѣ. Мы не отвѣчали, а ждали, что будетъ дальше, но когда они также неожиданно, какъ начали, прекратили стрѣльбу и, вскинувъ карабины, повернули лошадей, я приказалъ двумъ лучшимъ стрѣлкамъ «взять ихъ на мушку». Всѣ стрѣлки въ цѣпи уже давно держали эти двѣ движущіяся мишени на мушкѣ и только мое приказаніе удерживало ихъ указательные пальцы. Отъ нашихъ выстрѣловъ нѣмцы понеслись карьеромъ обратно; я вооружился биноклемъ и видѣлъ какъ у одного выпала изъ рукъ пика, другой же потерялъ каску. Два очередныхъ дозорныхъ понеслись за ними и вскорѣ скрылись изъ моихъ глазъ. Только передъ самымъ моимъ уходомъ съ заставы, дозорные вернулись и доложили, что догнать ихъ они не могли, но они обнаружили присутствіе противника, силою не менѣе эскадрона, судя по силѣ и длинѣ цѣпи, которая открыла по нимъ огонь. На обратномъ пути они подобрали и пику и каску и это были наши первые «трофеи войны». Дозорные были обстрѣляны также и изъ домовъ, мимо которыхъ они проходили и, конечно, какъ впослѣдствіи мы убѣдились на опытѣ, это были выстрѣлы мирныхъ жителей, защищающихъ своего кайзера и свой очагъ. Я послалъ письменное донесеніе въ штабъ полка и, получивъ приказаніе, присоединился къ полку и вскорѣ, по прибытіи въ Ширвиндтъ штаба дивизіи, былъ назначенъ для связи ординарцемъ къ начальнику дивизіи.

Полковникъ Алѣевъ.

4-8 1928 г.

ИНИЦІАТИВА

Ночь... я въ охраненіи передъ Ширвинтомъ. Я — это значитъ 6-ой эскадронъ Л. Гв. Драгунскаго полка. Мы все еще не можемъ проникнуться чувствомъ, что мы на войнѣ. Все какъ-то странно. На маневрахъ, подъ Краснымъ, все такъ просто и ясно, а тутъ иногда получается такое положеніе, что не знаешь, какъ-же поступить?

Передъ заходомъ солнца толпа мѣстныхъ жителей, очень мирныхъ на видъ, пришла на заставу съ просьбою разрѣшить подоить коровъ. Дѣло въ томъ, что когда ставилось охраненіе, то жители ушли въ западномъ направленіи и сидятъ въ хуторахъ не занятыхъ нами. Но вотъ, наступилъ часъ доенія. Коровы неистово вопятъ, имъ вторятъ телята, запертыя въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ. Жители, которые такъ-же, какъ и мы, еще не уяснили себѣ, что это вонйа, рѣшили, что все таки коровъ доить надо. Мы, молъ, подоимъ и опять уйдемъ. Начальникъ, Зосѣевъ, сталъ въ тупикъ. Чортъ его знаетъ! На маневрахъ этого не бывало — это во первыхъ, во вторыхъ, мы-же не воюемъ съ мирнымъ населе-

ніемъ, а въ третьихъ, имѣю-ли я право пропускать это мирное населеніе черезъ заставу съ цѣлью доенія?.. Пошлю-ка я къ Командиру эскадрона — онъ разберется!

Я тоже совершенно не зналъ, какъ поступить, поговорилъ съ вахмистромъ, но этотъ смотрѣлъ съ практической точки зрѣнія: — «надыть намъ самимъ для себя надоить»... Что дѣлать? Спросить у Стар. Полковника? А онъ — у Командира Полка, а Командиръ Полка у Начальника Дивизіи — и такъ дойдетъ до Ставки. Нѣтъ, такъ нехорошо, неудобно. Надо проявить иниціативу.

Между тѣмъ, коровы мычали все громче, и въ ихъ мычаніи была уже слышна ругань: «что за порядки, да поймите вы, дурачье, что вымя лопается отъ молока, а ребята надсаживаются отъ крика, а васъ все нѣтъ!»

Голоса коровъ и повліяли на мое рѣшеніе.

Иниціатива № 1. Я разрѣшилъ жителямъ по очереди, подъ конвоемъ драгунъ, доить коровъ. — Первый шагъ сдѣланъ. А всегда и во всемъ труденъ первый шагъ. Въ дальнѣйшемъ я широко пользовался иниціативой (красивое слово!).

Ночь была тревожна и чревата событіями. Ни минуты покоя, выстрѣлы впереди вдали, выстрѣлы справа и слѣва вблизи, донесенія, что «что-то» наступаетъ. Противникъ гдѣ-то тутъ, это говорятъ всѣ драгуны, прибывающіе изъ разъѣздовъ съ донесеніями, но что за противникъ, такъ никто и не знаетъ: «такъ что обстрѣляли насъ, а мы отступили».

Былъ такой моментъ, что я боялся за заставу на главной дорогѣ и послалъ на сосѣднюю заставу, гдѣ было два взвода, чтобъ одинъ взводъ пришелъ

сюда. И вотъ, когда Карлуша Сиверсъ на широкой рыси велъ взводъ ко мнѣ, его обстрѣляли съ фланга бойкимъ огнемъ. Карлуша, скомандовавъ «за мной!», поскакалъ впередъ галопомъ и... прискакалъ ко мнѣ со своимъ вѣрнымъ вѣстовымъ, а взводъ весь повернулъ обратно! Я, что называется, вышелъ изъ себя. Стыдъ и позоръ! Громъ и молнія! Послалъ опять за взводомъ, и вотъ, сконфуженный и приниженный, прибылъ взводъ (это былъ 3-ій взводъ), во главѣ со взводнымъ унт. офицеромъ.

— Почему вы повернули, а? — Такъ что лошади, спугавшись, понесли назадъ, не смогли сдержать.

Я тутъ, на мѣстѣ, содралъ 3-ю нашивку у взводнаго и замѣнилъ его ун. офицеромъ изъ другого взвода. Но этого мало, надо дать взводу боевой урокъ.

На моей заставѣ, на главной дорогѣ отъ Ширвинта, на западъ, скопилось много отдѣльныхъ драгунъ и цѣлые разъѣзды не сумѣвшіе пройти впередъ. Привезли раненаго Корнета Е. (Елшинъ 2-ой); пріѣхалъ на заставу и Пор. Г. (Грязновъ, кажется онъ былъ поручикъ), «Шмурыга», какъ мы его звали. — «Чортъ знаетъ, не могу пройти, палятъ со всѣхъ сторонъ, а кто и откуда, неизвѣстно», говоритъ онъ.

Начинаетъ свѣтать. Хочется мнѣ поучить взводъ и проявить иниціативу (послѣ коровъ), и вотъ я рѣшаюсь выдвинуться впередъ, чтобы опредѣлить, кто же передъ нами? На заставѣ скопилось драгунъ въ полтора раза больше моей заставы. Я передалъ Карлушѣ командованіе и вышелъ съ 3-имъ взводомъ впередъ, примѣняя новую тактику,

родившуюся въ моей геніальной головѣ, послѣ наблюденія за дѣйствіями противника въ эту ночь.

Дѣло въ томъ, что нашъ полевой Уставъ былъ написанъ для матушки Россіи. Какъ осматривать малыя селенія? Очень просто, главный дозоръ проходитъ по дорогѣ, а боковые обскакиваютъ селеніе справа и слѣва. Ясно, какъ апельсинъ. — Отдѣльные хутора на Руси были какъ исключеніе. Можетъ быть, если-бы Столыпину удалось провести свою реформу, и у насъ были-бы хуторскія хозяйства и мы-бы научились, какъ надо воевать среди хуторянъ... А тутъ, какъ мы перешли границу, анъ — селеній-то почти что нѣтъ, но за то, какъ соль на столѣ, разсыпаны хутора среди полей, и большіе, и малые. Ну, значитъ, надо итти между ними. Посмотришь на хуторъ, — никого нѣтъ, поѣхали дальше... Вотъ, когда встрѣтишь селеніе, тутъ-то мы ужъ его осмотримъ, какъ слѣдуетъ. Такъ и шли. А нѣмцы учились у себя на мѣстности, усѣянной хуторами. Тактика такова, въ каждомъ хуторѣ пряталось по 2-3 нѣмца. Наши разъѣзды шли мимо; ихъ пропускали, а вотъ когда застава, предупрежденная о движеніи разъѣзда этими же наблюдателями, встрѣчала разъѣздъ залпами и когда онъ прытко уходилъ назадъ, то эти милые наблюдатели со всѣхъ сторонъ обстрѣливали его.

Вотъ и иди опять впередъ.

Итакъ, я рѣшился. Разсыпалъ цѣпь изъ дозоровъ, вродѣ лавы, и приказалъ, двигаясь впередъ, обстрѣливать съ коня всѣ встрѣчные хутора, и если на выстрѣлы отвѣчаютъ, то спѣшиваться и вышибать оттуда нѣмца.

Отъ времени до времени, въ нѣкоторыхъ хуторахъ я оставлялъ посты, которые наблюдали, что-

бы противникъ не проникъ во фланги и съ тыла въ корридоръ, нами пройденный. Такимъ образомъ, я получилъ безопасный корридоръ для посылки донесеній. Почти изъ половины встрѣтившихся хуторовъ мы выбивали по 2-3 нѣмца, которые уходили отъ насъ на западъ. Наконецъ, наткнулись на заставу, расположенную въ большомъ хуторѣ.

Я въ бинокль ясно видѣлъ, какъ шагомъ ѣхалъ пузатый офицеръ, вѣрно командиръ эскадрона, и рядомъ съ нимъ другого офицера, потоньше. Помнится, оба были уланы. Затѣмъ произошелъ маленькій бой. Я наступалъ, стрѣляя цѣпью съ фланга и произвелъ конную аттаку съ фланга. Но это не относится къ темѣ разсказа. Переносясь въ Ширвинтъ, на колокольню Церкви, гдѣ въ это время Вы, въ компаніи съ полковниками, наблюдали мою иниціативу, я сидѣлъ на бѣломъ арабѣ и рѣзко выдѣлялся среди гнѣдой масти нашего полка. Началась критика моего маневра. Вы накаливались все больше и больше. Какъ онъ смѣлъ оставить линію охраненія!.. Громъ и молнія!..

Слѣдующее дѣйствіе: Полкъ выдвигается впередъ. Ясно, меня должно смѣнить охраненіе на походѣ. Не тутъ-то было, меня требуютъ къ Командиру Полка. Тутъ было все: и «какъ смѣли вы идти впередъ?!» и «какое имѣли право заводить бой?!» и дальше, и больше, и наконецъ, «я васъ отдамъ подъ судъ!».

Я убитъ. Когда наступленіе наше кончилось, я поднялся къ Стр. Полковнику и сказалъ, что я думаю, что имѣлъ право осмотрѣть впереди лежащую мѣстность, что мой взводъ былъ обстрѣлянъ при пIреходѣ изъ одной заставы въ другую, что въ сущности, это и есть уже бой, и т. д., и что надо-же

было поддержать 3-ій взводъ подъ пулями для воспитанія. — «Хорошо», сухо сказалъ Полковникъ, «я доложу».

На другой день у насъ былъ отдыхъ. Мы купались въ рѣчкѣ. Настроеніе у всѣхъ бодрое, всѣ дѣлятся впечатлѣніями, одинъ я мраченъ и обиженъ. Но вотъ встрѣчаю я нашего Начальника Штаба Дивизіи, А. П. Б.; онъ ласково хлопаетъ меня по плечу: «Спасибо тебѣ, Алек. Петровичъ, твои донесенія съ линіи охраненія были очень цѣнны», говоритъ онъ. — Ну, все таки, это утѣшеніе; но обида отъ этого стала еще острѣе: — за что-же тогда меня при всѣхъ такъ выругалъ Командиръ?

Но вотъ я слышу, какъ кто-то здоровается съ людьми сосѣдняго эскадрона; ага, это онъ!

Командиръ Полка обходилъ К. Сиверскаго бивакъ, наконецъ, появился и у насъ въ 6-мъ эскадронѣ. Я встрѣтилъ его, какъ полагается. Видъ у меня былъ натянутый и обиженный. Я рѣшилъ откомандироваться; вѣдь я былъ офицеръ полуэскадрона Военной Академіи и могъ это сдѣлать, т. к. на войну съ Полкомъ пошелъ по собственному желанію, благодаря приглашенію Командира Полка. Но что-же это такое?.. Командиръ подходитъ близко ко мнѣ и обнимаетъ меня. «Простите, Бендерскій, своего Командира, я погорячился зря», — и мы поцѣловались. Трудно сказать, сколько мгновеній понадобилось, чтобы твердый ледъ моего сердца перешелъ въ перегрѣтый паръ. Съ этого момента Графъ НироДъ занялъ прочное мѣсо въ дезинфецированномъ перегрѣтымъ паромъ моемъ сердцѣ!

Какъ трудно сознавать свои ошибки, и еще труднѣе высказывать это, и тотъ, кто поборолъ въ себѣ чувство гордости, упрямства, ложнаго са-

молюбія, и можетъ громко говорить о своихъ ошибкахъ, значительно усовершенствовалъ свою душу. Теперь, когда прошло цѣлыхъ 13 лѣтъ, я говорю громко, что я въ тотъ моментъ почувствовалъ глубокое душевное удовлетвореніе и искреннее уваженіе и любовь къ своему Командиру.

Вотъ мои самыя яркія воспоминанія о Ширвинтѣ.

Я не переписываю того, что написалъ. Когда нибудь, у Васъ, можетъ быть, найдется время, и Вы разберете эти іероглифы и поступите съ ними такъ, какъ хотите: или спрячьте у себя въ столѣ, или печатайте ихъ, но въ послѣднемъ случаѣ, я требую, чтобы **ни одно слово не было выкинуто**, а Графа Нирода можно замѣнить «Командиромъ».

А. Бендерскій.

ПЕРЕУТОМЛЕНІЕ

Однажды, еще въ началѣ войны, спросили у одного офицера: «Разскажите намъ о войнѣ, что, собственно, она представляетъ собою?».

Онъ отвѣтилъ такъ: «Война — это, когда всегда хочется спать, всегда хочется ѣсть и иногда бываетъ страшно.

Во всякомъ случаѣ, я съ нимъ согласенъ, что на войнѣ всегда хочется спать.

Знакомо-ли вамъ положеніе, когда вамъ безумно хочется спать, а спать вы не можете?

Каждый изъ васъ, навѣрное, томился гдѣ нибудь, когда нибудь, въ вагонѣ, переполненномъ пассажирами, на вокзалѣ, въ ожиданіи ночного поѣзда, въ экипажѣ, во время дальняго пути; словомъ, при такихъ условіяхъ, когда нѣтъ возможности прилечь. Это очень тяжело, особенно если и предыдущую ночь вы провели въ такихъ же условіяхъ.

Теперь, представьте себѣ, что вы двое сутокъ не раздѣвались, что двое сутокъ вы кое-какъ дремали на сѣдлѣ, или на сырой землѣ, во время небольшихъ остановокъ, что третьи сутки льетъ

дождь, что самый вѣрный, преданный вамъ непромокаемый плащъ — давно промокъ, что сырыя руки больно стынутъ на холодномъ вѣтру отъ поводьевъ.

Для выразительности картины добавьте еще, что ночь темная, дорога грязная, скользкая, что вы ежеминутно рискуете упасть съ усталой, спотыкающейся лошади, что подъ ложечкой сосетъ отъ голода, что хочется пить и безумно хочется спать, главное, спать, спать... не правда-ли, весело?

Въ такомъ состояніи я себя вспоминаю однажды, во время ночного похода. Гдѣ это было?.. въ Восточной Пруссіи, или въ Литвѣ?.. Я сплю и не сплю, сидя на сѣдлѣ. Я не могу разобраться, гдѣ у меня грезы сна, гдѣ дѣйствительность... Вотъ-вотъ свалюсь съ сѣдла, но впереди меня, гремя шашкой и винтовкой, падаетъ драгунъ впереди идущаго эскадрона (мы идемъ безъ дистанціи «на хвостѣ», лишь-бы не «оторваться»): его паденіе приводитъ меня въ себя. Я просыпаюсь совершенно. Справа и слѣва лѣсъ, изъ за тучъ мелькаетъ луна, дождь пересталъ. Монотонно хлюпаетъ грязь подъ лошадиными копытами. Господи, какъ хочется спать! Хоть бы на одну минуту прилечь, больше ничего не надо!.. Опять остановка, и я вижу, какъ впереди ѣдущіе люди медленно ложатся на шеи своихъ лошадей.

Нельзя закрывать глаза, я таращу ихъ изо всѣхъ силъ и совершенно неожиданно вижу справа отъ себя высокій каменный заборъ, очень красивый заборъ, обвитый плющемъ. Да почему же я вижу всѣ отдѣльные листы плюща въ такой темнотѣ? И почему вотъ сію минуту и плющъ, и заборъ пропали?.. Дѣло не ладно. И страшно, и интересно.

Надо внимательно, пристально посмотрѣть въ глубину лѣса, нѣтъ-ли чего нибудь тамъ. — Ну, конечно; я вижу туманное очертаніе большого барского дома... Да, вѣдь, это та дача въ Павловскѣ, противъ которой я жилъ въ мои счастливые годы, въ бытность въ Академіи. Нѣтъ, совсѣмъ не то, это какая-то вѣтряная мельница, и даже не она, потому что я-же понимаю, что въ лѣсу не можетъ быть вѣтряной мельницы, даже смѣшно.

Ухъ, какъ споткнулся мой Аріонъ! Чуть-чуть я не упалъ въ грязь. Ну вотъ, все и кончилось. Никакихъ видѣній... Фу, чортъ, опять начинается заборъ... Нѣтъ, ужъ довольно, не желаю видѣть больше этихъ заборовъ! А вотъ навстрѣчу ѣдутъ всадники: «Поводъ вправо».. Кто-же это? А это Корпусный Командиръ Н-го Корпуса! Вотъ и верховой съ его значкомъ, и группа штабныхъ офицеровъ... Что онъ говоритъ?..

«Какой полкъ» — отчетливо спрашиваетъ Корпусной Командиръ. «Лейбъ-Гвардіи Драгунскій, Ваше Превосходительство» — докладываю я. «Отлично» — говоритъ Корпусный Командиръ, обращаясь къ Начальнику Штаба, «такъ вотъ, Драгунамъ удлинить правый флангъ, въ направленіи на деревню...». — Что онъ говоритъ дальше, я не слышу, т. к. мы проходимъ впередъ. «Стой»! «Слѣзай».

Ага! Можно будетъ на минуту прилечь. — Не тутъ-то было, сейчасъ-же наростающій зовъ, сначала вдалекѣ, а затѣмъ ближе и ближе: «Командиры эскадроновъ впередъ!» Сонъ совершенно слетаетъ, я бодро иду впередъ.

— «Значитъ, мы подчинены теперь Командиру Н-скаго Корпуса», — думаю я, — «что это, хуже или лучше?».

Подхожу къ группѣ Командировъ эскадронами. Передъ ними Полковникъ Джунковскій. «Господа, возможно, что намъ придется здѣсь занимать позицію. Надо намѣтить участки... идемте».

Дальше все идетъ нормальнымъ порядкомъ, я ругаюсь съ моимъ сосѣдомъ, Командиромъ 5-го эскадрона, Сашей Березинымъ, огрызаюсь на Джунковскаго, съ которымъ не согласенъ изъ за мѣста расположенія коноводовъ, и т. д... Наконецъ, все кончено, и мы идемъ къ Полку. Въ это время мимо моего эскадрона проѣзжаетъ генералъ Лопухинъ, Командиръ Конно-Гренадерскаго Полка. «Ну что новаго?», — спрашиваетъ онъ меня. Конно-Гренадеры были гдѣ-то въ отдыхѣ и сейчасъ только присоединились къ дивизіи. «Было что нибудь интересное?».

— «Никакъ нѣтъ, вотъ только новость, мы подчинены Командиру Н-го Корпуса, больше мы не самостоятельны», отвѣчаю я.

— «Что вы! А гдѣ Корпусный Командиръ?».

— «А вотъ, недавно мы его здѣсь встрѣтили».

— «Ахъ, это очень интересно. Я ѣду къ Начальнику Дивизіи». И Лопухинъ рысью уѣхалъ впередъ.

Минутъ черезъ десять, опять наростающій зовъ: «Командира 6-го къ Начальнику Дивизіи».

Сажусь на Аріона, ѣду и ругаюсь: «навѣрное, опять въ развѣдку, вѣдь не наша очередь!...»

— «Какого Корпуснаго Командира Вы видѣли? Гдѣ, и когда?», — этими словами встрѣтилъ меня Начальникъ Дивизіи Генералъ Раухъ.

— «Недавно, Ваше Превосходительство, тутъ на дорогѣ», не особенно увѣренно говорю я.

— «Что вы, Богъ съ вами!» очень мягко, улыбаясь, говоритъ Начальникъ Дивизіи. «Никакого

Корпуснаго Командира здѣсь нѣтъ, и вы подчинены только мнѣ. Вамъ, ротмистръ, все это приснилось. Позабудьте вашъ сонъ и поѣзжайте къ эскадрону».

Сконфуженный и угнетенный, ѣду я шагомъ къ эскадрону и раздумываю о случившемся. — Ясно, что это былъ сонъ, сонъ до того момента, когда насъ вызвали искать позицію. Это была граница сна и яви. Значитъ, я не владѣю своими чувствами. Я вижу и слышу то, чего нѣтъ? Плохо дѣло — это глубокое физическое утомленье и перегрузка работы нервной системы. Нуженъ отдыхъ. Но вотъ и эскадронъ. Меня встрѣчаютъ офицеры и вахмистръ. — «Неужели опять въ развѣдку?». — «Нѣтъ», неохотно говорю я, «это былъ разговоръ о послѣдней нашей развѣдкѣ».

Ничего не подѣлаешь! Иногда приходится врать. Потому что разскажи имъ все какъ было, то потомъ, когда всѣ на отдыхѣ, отоспятся и отъѣдятся, мнѣ проходу не дадутъ съ этимъ Корпуснымъ Командиромъ моихъ сонныхъ грезъ.

А. Бендерскій.

9 іюля 1928 г.

СЛОЕНЫЙ ПИРОГЪ

Темная ночь. Луна гдѣ-то есть, но она закрыта тучами. Пожалуй, будетъ дождь, плохо тогда намъ будетъ. Мы назначены въ охраненіе, въ сторожевку, какъ говорятъ солдаты. Мы потеряли связь съ идущей за нами пѣхотой и плохо освѣдомлены о противникѣ передъ нами и на флангахъ. Мы поэтому выставили круговое охраненіе и на долю моего эскадрона пришлось какъ разъ то направленіе, въ которомъ предполагалась наша пѣхота, но о которой мы ничего не знали, а напротивъ, были донесенія о движеніи разъѣздовъ противника какъ разъ въ этомъ районѣ.

Передъ нами селеніе Куссенъ. «Пойдете по направленію къ Куссену, поставить заставу, вотъ, приблизительно, здѣсь», говорю я Штабъ Ротмистру Фришу и тычу грязнымъ пальцемъ въ карту, «въ селеніе не входи, а почаще посылай туда дозоры. Говорятъ, жители не ушли, надо быть на чеку. Я пріѣду, какъ только поставлю лѣвофланговую заставу № 2, приблизительно, видишь, тутъ», и опять грязный палецъ гуляетъ по картѣ.

Поставивъ заставу въ отдѣльномъ маленькомъ дворѣ, близъ перекрестка дорогъ, у вѣтряныхъ мельницъ, я ѣду къ Фришу. Вдругъ слышу оживленную перестрѣлку, въ направленіи на Куссенъ. Сердце болѣзненно сжалось. Неужели, что нибудь серьезное?

Я пошелъ галопомъ, мой вѣстовой, Грипичъ, за мной. Не проскакали мы и одной минуты, какъ встрѣчаемъ драгуна изъ взвода Фриша.

— «Такъ что, Ваше Высокоблагородіе, только, было, мы заняли дворы въ этимъ Кузенѣ, какъ стало быть противникъ насъ обстрѣлялъ. Не опознали точно, пѣхота это, али кавалерія, а только все Слава Богу, и онъ ушодцы, и мы ушодцы. Чичасъ застава наша въ отдѣльномъ дворѣ, отселя рукой подать».

Крѣпко про себя ругнулъ я Фрища. — «А вы куда тамъ влѣзли? Не бось, лавки открыты?». — «Такъ тошно, тамъ, стало-быть, лесторанъ-пивная».

«Ну, конечно», подумалъ я, «застава въ ресторанѣ, — очень удобно. Ну, погоди, Фришъ».

Наконецъ, все улажено, и я ѣду на заставу № 2, она меня почему-то очень интересуетъ. На Главной заставѣ у меня Ротмистръ Сиверсъ, мой двойникъ. Насъ два ротмистра въ одномъ эскадронѣ, и оба Командиры. Странно, но это такъ. Я командовалъ эскадрономъ Карлуши Сиверса, въ родномъ полку, для ценза, и когда была объявлена война, Командиръ Полка предложилъ мнѣ итти на войну съ полкомъ. Конечно, отчислиться назадъ, въ Военную Академію, и торчать потомъ, по мобилизаціи, гдѣ нибудь въ Запасномъ Кав. Полку, куда какъ лестно! Я съ восторгомъ ухватился за предложеніе Командира и побѣжалъ къ Сиверсу. Карлуша Сиверсъ

былъ изобрѣтатель, электротехникъ, механикъ, оптикъ и пр. Онъ передѣлалъ винтовку на какой-то другой патронъ и былъ увѣренъ, что будетъ стрѣлять на три версты безъ прицѣльной колодки. Молодежь говорила, что это будетъ винтовка, она-же походная кровать, уборная и музыкальный инструментъ.

За годъ отдыха, пока я командовалъ эскадрономъ, Карлуша, увлекшись изобрѣтеніями, отсталъ отъ службы и рѣшилъ не принимать отъ меня эскадрона, а итти со мной въ рангѣ старшаго офицера. Горячо я благодарилъ его, и вотъ, мы два ротмистра въ 6-мъ эскадронѣ Л. Гв. Драгунскаго Полка.

«Безпокойная ночь будетъ», думаю я, «еще около часу, а уже по тревогѣ вызываютъ Конно-Гренадерскій полкъ», который былъ въ полной боевой готовности для поддержки охраненія.

Я лежу на стогѣ сѣна, рядомъ съ часовымъ, на посту, передъ заставой № 2. То тутъ, то тамъ слышатся отдѣльные выстрѣлы, а въ этомъ направленіи должна быть наша пѣхота. На сосѣдней заставѣ были перестрѣлки, у Фриша тоже. Ничего не понять. Наша пѣхота, потомъ, очевидно, какіе-то нѣмецкіе разъѣзды, потомъ мы, Конный Корпусъ, затѣмъ опять нѣмцы... прямо, какой-то слоеный пирогъ...

Да, хорошъ былъ слоеный пирогъ у моей тетушки-адмиральши, на 7-ой Рождественской. Что-то съ моей старушкой, увидимся-ли мы?.. и я погружаюсь въ полусонныя воспоминанія... — «В. В. Б.», шепчетъ часовой, «ѐнъ, хтось маячитъ вправо отъ мельницы, вишь тамъ». — Дремоты какъ не бывало. Зрко смотрю впередъ — дѣйствительно, не то конь, не то теленокъ. — «Конь, В. В. Б.», съ увѣренностью

говоритъ часовой. «Сивый конь, видать, какъ хвостомъ машетъ, а вотъ примѣтенъ сталъ и всадникъ».

— «Вотъ что», говорю я, «зови-ка Подчаска, доложи на постъ, а мы съ тобой пополземъ къ мельницѣ».

Крадучись, полземъ мы, доползли до мельницы и ясно различили фигуру всадника на бѣломъ конѣ. За плечами торчитъ винтовка, стало быть, — нашъ. «Стой», тихо окликнулъ я, «ѣзжай сюда». — Подъѣзжаетъ Павлоградскій гусаръ: «Слава тебѣ Господи, а я-то думалъ, а ну нѣмцы», торопливо говоритъ онъ, «потому мнѣ сказали, что въ этой сторонѣ нѣмцы». — «Да ты-то откуда?», спрашиваю я. — «Да отъ пѣхоты, В. Б., для связи посланъ въ мѣстечко, а тамъ нашихъ нѣтъ, стояли, да ушли чего-то». — Такъ... сообразилъ я, значитъ Фришъ воевалъ со своими... «А гдѣ-же твоя пѣхота? «Да вотъ недалече, въ той сторонѣ», показываетъ рукой гусаръ. «А какъ зовутъ деревню?» — «Зовутъ то ее... да... позапамятовалъ, В. Б.» — «А откуда вы пришли?» — «Изъ Горочки». — «Изъ какой?». — «А изъ этой... какъ его... позапамятовалъ, В. Б.». — «А, что-бъ тебѣ, а какая у васъ пѣхотная часть?» — «Дивизія, В. Б.». — «А какой номеръ?». — «Нумеръ то? да... позапамятовалъ, В. Б.»...

Однимъ словомъ, я вижу, что передо мной определенный стоеросъ — все позапамятовалъ. Что-же дѣлать? Вѣдь такъ мы можемъ передраться межъ собою. Надо что нибудь предпринять, немедленно. Рѣшено. «Вотъ что, братецъ», говорю я, «веди-ка ты меня въ Штабъ Дивизіи».

И вотъ мы трое, я, мой вѣстовой и гусаръ, ѣдемъ въ Штабъ Дивизіи, гдѣ широкой рысью, гдѣ галопомъ, и черезъ 15-20 минутъ, мы въ большомъ се-

леніи, занятомъ нашей пѣхотой. Никто насъ по дорогѣ не остановилъ, никто не окликнулъ, и, слава Богу, никто не обстрѣлялъ.

Гусаръ привелъ насъ къ большой, ярко освѣщенной избѣ. Слѣзли. Вхожу. Въ первой комнатѣ писаря на двухъ машинкахъ что-то бойко выстукиваютъ. На полу разбросаны ящики, чемоданы, деньщики собираютъ и укладываютъ вещи. Настроеніе чувствуется тревожное. Обо мнѣ докладываютъ Начальнику Дивизіи. Меня ведутъ въ слѣдующую комнату. Тамъ нѣсколько штабныхъ офицеровъ видно заняты спѣшной работой. У большого стола съ разложенными картами стоитъ небольшого роста сѣдоватый генералъ. Я подхожу къ нему и докладываю, кто я такой и откуда прибылъ. Генералъ въ недоумѣніи и подозрительно оглядываетъ меня. Потомъ проситъ на картѣ показать расположеніе Конн. Корпуса. Я показываю.

— «Какъ же вы бросили свой эскадронъ и зачѣмъ вы пріѣхали?», все еще недовѣрчиво спрашиваетъ онъ.

Я разсказалъ мою встрѣчу съ гусаромъ, высказываю свое подозрѣніе, что въ Куссинъ была перестрѣлка между нашими и, что Конно-Гренадерскій полкъ вызывается тоже противъ его дивизіи.

— «Дайте донесеніе Корнета Шебеко», приказываетъ Генералъ. «Читайте».

Я читаю. Не думаю, что я передамъ точно это донесеніе. Прошло такъ много лѣтъ и мозги ужъ проросли жиромъ, но все-же, смыслъ, я думаю, тотъ-же. «Со стороны Куссена-Ритцева на васъ наступаетъ 1 батальонъ и 2 эскадрона противника».

— «В. Пр-во, донесеніе это невѣрно», твердо говорю я. «Я уже докладывалъ вамъ, что противъ

васъ стоитъ Конный Корпусъ Хана Нахичеванскаго; возможно, что въ промежуткѣ между ними бродятъ нѣмецкіе разъѣзды; я бросилъ линію охраненія, чтобы возможно скорѣе привести въ ясность эту неразбериху».

— «Вотъ, господа, это служба», обращаясь къ окружающимъ насъ офицерамъ, говоритъ генералъ, «вѣдь я только что нарядилъ 1 батальонъ на усиленную рекогносцировку въ вашемъ направленіи и самъ собирался уходить. Оставить сборы! Мы остаемся! Вы сняли огромный камень съ груди. Позвольте васъ обнять!». И мы тепло поцѣловались съ Начальникомъ такъ называемой рѣчной дивизіи (Рижскій, Клинскій и др. полки), Ген. Лашкевичемъ.

Большое счастье поцѣлуй любимой женщины, но сейчасъ я тоже былъ счастливъ подъ чувствомъ, что я что-то сдѣлалъ. Теперь надо скорѣе въ Штабъ своей дивизіи, предупредить также нашихъ.

Садимся мы съ Грипичемъ на коней — и галопомъ дуемъ къ нашей заставѣ. И только дорогой я вспомнилъ, что не спросилъ ни пропуска, ни отвѣта, ну да ладно, Богъ пронесъ въ одну сторону, пронесетъ и въ другую.

И пронесъ. Безъ всякихъ приключеній, прикатили мы на заставу № 2. Я приказалъ офицеру послать донесеніе въ Штабъ Полка, а самъ опять поскакалъ въ Штабъ Дивизіи.

Далеко не такая встрѣча ожидала меня здѣсь. Я, торопясь и волнуясь, докладывалъ Начальнику Штаба, Полковнику Африкану Петровичу Богаевскому о своей поѣздкѣ къ Ген. Лашкевичу, когда изъ сосѣдней комнаты, недовольный, съ брезгливой миной, пришелъ Ген. Раухъ. Резолюція на мой

докладъ была слѣдующая: «Ну, конечно, я-же говорилъ, что тамъ напутали, что это Драгуны», и ушелъ съ такой-же недовольной миной. Я стоялъ, какъ въ воду опущенный. Допустимъ, что драгуны что-то напутали, но вѣдь я-то, все-же, что-то распуталъ? Послѣ такого душевнаго подъема и такой холодной душъ!..

Нить моихъ мыслей прервалъ Полковникъ Богаевскій. — «Вотъ что, Алексѣй Петровичъ, не грусти. Спасибо тебѣ. Это просто у Нач. Див. дурное настроеніе, но онъ цѣнитъ тебя. Мы знаемъ, что твои донесенія всегда правдивы. Будь покоенъ, я не забуду тебя. Поѣзжай, отдохни».

Теперь тихонько, шагомъ, я ѣду къ себѣ на Главную заставу. Перечисляю всѣ свои преступленія и проступки:

1) Бросилъ линію охраненія и 2) уперъ куда-то впередъ, безъ мѣръ охраненія; 3) не спросивъ въ Штабѣ Пѣх. дивизіи расположенія охраненія пропуска и отзыва, — отправился обратно; 4) поѣхалъ съ донесеніемъ въ Штабъ Дивизіи, помимо Штаба Полка.

Да, все это такъ. Ничего не попишешь! Но все-же я испытывалъ душевное удовлетвореніе, я что-то сдѣлалъ хорошее, хотя и не проявилъ личной храбрости, ни особеннаго мужества.

Я предотвратилъ возможный бой между своими. Благодарю тебя, Боже!

А. Бендерскій.

Тьентзинъ, 11 іюня.

БОРОДАЧИ - УНОСЫ

Мы отступали изъ Восточной Пруссіи. Всѣмъ, кто воевалъ, — ясно, каково у насъ было настроеніе. Насколько бодро и энергично мы шли впередъ, настолько мрачно и злобно мы отступали. Когда мы шли впередъ и останавливались на отдыхъ, или на ночевку въ нѣмецкихъ домахъ, то, будь то богатый помѣщичьій домъ, или скромный домикъ крестьянина — всюду была полная чаша всякаго добра и сыты были всегда по горло. Бывало, солдаты напихивали въ котелъ эскадронной кухни такую массу всякой живности, что ложка стояла торчмя въ котелкѣ, наполненномъ щами. Тутъ и коровье мясо, и гусь, и утка, и курица, — однимъ словомъ, чего хочешь, того и просишь.

Въ домахъ чистота и аккуратность, посуды, бѣлья, удобныхъ постелей — сколько угодно! А теперь!..

Послѣ насъ, когда мы шли впередъ, шла наша пѣхота, а затѣмъ всякіе обозы. Охъ, ужъ эти обозники!.. Во что они превратили эти чистенькіе домики!..

Вотъ общее впечатлѣніе, которое осталось у меня: мы входимъ въ домъ, въ комнатахъ шагнуть нельзя; до колѣна навалены всякія вещи, всякій хламъ. Ни одинъ шкафъ, ни одинъ комодъ или сундукъ не остался невыпотрошеннымъ. Все содержимое брошено на полъ; чтобъ устроить себѣ постель на полу, приходится разгребать эти кучи вещей и ящиковъ и устраивать изъ нихъ вокругъ себя баррикады. О сытости и довольствѣ прежнихъ дней не было и помину!

Если добывали гдѣ нибудь чудомъ уцѣлѣвшую банку варенья, то это была удача, а раньше тонули въ вареньѣ, въ меду и молокѣ. Помню, какъ мы попали въ большой, не совсѣмъ еще разграбленный помѣщичій домъ, и намъ посчастливилось получить тамъ горячій кофе. Почему-то женская прислуга осталась дома и съ суетливой готовностью угощала насъ этимъ кофе. Но черный кофе, и ничего больше!.. Безъ сахару, это не то, чтобы было очень вкусно, но все таки пили. А были счастливцы, у которыхъ былъ сахаръ въ видѣ маленькихъ крупинокъ. Меня угостилъ тогда сахаромъ мой вѣстовой, Грипичъ. У него было 4 куска, и мы съ нимъ подѣлились по братски.

Наконецъ, мы уже близко подошли къ нашей границѣ. Помню, былъ бой; къ закату солнца онъ затихъ. Мы стояли спѣшенные, усталые, и угрюмые, нетерпѣливо ожидая ночевки. Вдругъ ко мнѣ подъѣхалъ адъютантъ полка, Ш. Р. Г. — «Бендерскій», сказалъ онъ, «твоему эскадрону является возможность отличиться, — наша пѣхота оставила подъ Ш. орудіе, но, по донесеніямъ, и нѣмцы его не взяли. Такъ вотъ случай заработать Георгія: найди и привези орудіе».

Отъ этого извѣстія я не испыталъ ни малѣйшаго подъема духа, и, наоборотъ, страшно удивился и обидѣлся: «опять насъ, да какого чорта! Вѣдь не наша очередь?»... Но поругаться съ адъютантомъ — это одно, а приказъ — это другое, и поэтому, продолжая препираться съ адъютантомъ, я немедленно поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ къ Командиру. Командиръ подтвердилъ сказанное адъютанту и добавилъ: «ну, съ Богомъ, въ добрый часъ!».

— «Да позвольте, В. С.! Да какъ-же я увезу это орудіе, если и найду его?».

— «Все предусмотрѣно, дорогой мой», — ласково успокаивалъ меня командиръ, — «тамъ еще завязли два передка, или ящики; вамъ дадутъ 4 уноса изъ нашей артиллеріи, вы съ ними и привезете орудіе. Какъ видите, никакихъ затрудненій».

«Да, — подумалъ я, гдѣ-то тамъ, подъ носомъ у противника завязли передки, гдѣ-то между ними надо найти пушку, составить комбинацію изъ уносовъ, ящиковъ и пушки, и привезти сюда, и все это преподносится мнѣ въ видѣ золотой пилюли, что «хотя, молъ, и не ваша очередь, зато у васъ въ рукахъ вѣрный Георгій».

Ничего не подѣлаешь, примирился и просилъ дать мнѣ эти уносы. Дѣйствительно, ко мнѣ привели четыре пары артиллерійскихъ коней, а на нихъ сидѣли 4 бородатыхъ и лохматыхъ дядекъ, на лицахъ которыхъ совершенно не было замѣтно сильнаго желанія искать родную пушку.

Вернулся къ эскадрону съ уносами. Мрачно скомандовалъ: «Садись!». Полусонные люди съ трудомъ влѣзли на лошадей, и мы двинулись, но по мѣрѣ приближенія къ Ш., когда мысль, что противникъ, вотъ, можетъ-быть, гдѣ-то здѣсь, пробуж-

далась мало по малу энергія и явилось острое желаніе исполнить порученіе. Проснулись и ожили мои офицеры и драгуны, и вотъ мы рыщемъ и ищемъ. Слава Богу! Нашли одинъ передокъ, полный снарядами. Два уноса взяли его. Пробрались съ большой осторожностью подъ самый Ш., были на томъ мѣстѣ, гдѣ по указанію, «уносовъ» было брошено орудіе. Увы! Ясный слѣдъ показывалъ, что орудіе было увезено нѣмцами. Поискали еще и нашли еще ящикъ, а между тѣмъ, стало уже совсѣмъ темно; но скоро должна была появиться луна. Взяли ящикъ другими двумя уносами, и я рѣшилъ вернуться назадъ. Какъ мнѣ помнится, шли мы въ такомъ порядкѣ: дозоры, я, мой взводъ, за нимъ два ящика и потомъ 3 взвода.

Каждую минуту ожидали возможности столкновенія съ противникомъ.

По пути встрѣтился паршивый мостикъ черезъ глубокую канаву съ вязкими берегами. Первый ящикъ прошелъ благополучно, но подъ вторымъ мостикъ проломился и ящикъ застрялъ. Я спѣшилъ драгунъ, и мы съ большимъ трудомъ вытащили ящикъ. Во время этой возни, я не замѣтилъ, что первый ящикъ куда-то пропалъ. Я спохватился — «гдѣ ящикъ?». Драгунъ проѣхалъ впередъ и доложилъ, что «надо полагать, онъ много впередъ продвинулся». Я поскакалъ по дорогѣ впередъ, за мной поскакали драгуны. Проскакали минуты двѣ, и вотъ вижу, какъ сейчасъ, такую картину при лунномъ освѣщеніи: въ сторонѣ отъ дороги, въ кустахъ, спѣшенный бородатый дядя возится у ящика, а другой, не менѣе бородатый, пыхтя приспосабливается взлѣзть на лошадь, у которой всѣ постромки обрѣзаны.

Я подъѣхалъ къ нему: «Это что такое?» — «А такъ что, В. Б., съ однимъ уносомъ способнѣе везти ящикъ», отвѣтилъ находчивый дядя, думая, что я ничего не смыслю въ ихъ дѣлѣ. Я обидѣлся, обозлился на то, что онъ не только хотѣлъ удрать, но еще и нагло хочетъ сдѣлать изъ меня дурака, и вотъ я дошелъ до бѣлаго каленія. «Такъ способнѣе, а!?..», и я долго билъ его стекомъ. Что дѣлать!.. Двадцать лѣтъ до войны прослужилъ я и никогда пальцемъ не тронулъ солдата, а тутъ, на войнѣ приходится иногда и побить. Какія наказанія могутъ быть на войнѣ? Лишеніе отпуска? Да его нѣтъ. Нарядъ не въ очередь? Да всѣ имѣютъ ежедневно наряды не въ очередь. Арестъ? Да гдѣ и когда возможно посадить подъ арестъ?.. Остается одно — это судъ. А позволяетъ-ли наше сердце отдавать безъ великой крайности человѣка подъ судъ? — Ну вотъ, и поколотишь.

Я еще помню, какъ я еще два раза билъ виноватыхъ людей, — можетъ быть, когда нибудь и разскажу.

Кое-какъ приспособили мы эти уносы съ обрубленными постромками и поѣхали дальше. Дорога стала значительно лучше и черезъ часа полтора мы благополучно пріѣхали на нашъ квартиро-бивакъ. Легли спать, и я въ блаженномъ снѣ совершенно забылъ и про дядей, и про уносы съ ящиками. Утромъ вахмистръ съ довольной миной доложилъ мнѣ (вѣдь люди-же не наши), что оба дяди ночью удрали, оставивъ лошадей на мѣстѣ.

— «Эти, В. В. Б., бородачи-уносы, надо полагать, взяли направленіе домой, на Россію», добавилъ онъ.

Около полудня пришелъ ко мнѣ артиллерійскій поручикъ, присланный изъ батареи за ящиками. Видъ у него былъ сконфуженный. Мнѣ было его жалко, а я еще его утѣшилъ тѣмъ, что дяди сбѣжали. Тутъ поручикъ не утерпѣлъ и разразился руганью: столько крови ему испортили эти дяди. А все таки, я думаю, что если этотъ поручикъ живъ и когда нибудь прочтетъ этотъ разсказъ, онъ, навѣрное, улыбнется: что прошло, то стало мило!

А. Бендерскій.

4 октября. Тьензинъ. Китай.

НОЧНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ Л. ГВ. ДРАГУНСКАГО ЭСКАДРОНА ВЪ ІЮНѢ 1920 ГОДА НА ДНѢПРѢ.

Сводно - гвардейскій кавалерійскій полкъ стоялъ въ мѣстечкѣ на лѣвомъ берегу Днѣпра. Собранная въ кулакъ вся дивизія Ген. Барбовича предназначалась препятствовать переправѣ крупныхъ силъ большевиковъ черезъ Днѣпръ.

12 іюня командующій Св. Гв. Кав. Полкомъ полковникъ Ряснянскій вызываетъ полковника Александровскаго и поручаетъ ему наблюденіе за ночной экспедиціей, заданной Драгунскому эскадрону. Цѣль экспедиціи: проникнуть въ нѣсколькихъ верстахъ вверхъ по теченію, на находящійся среди Днѣпра островъ и оттуда на затонувшую большую большевистскую баржу и забрать съ нея цѣнное военное имущество.

Баржа находилась почти у самаго берега противника. 14 іюня вечеромъ, Драгуны выступили въ пѣшемъ строю. Забравъ подводы, прошли восемь верстъ до слѣдующаго села, расположеннаго на берегу Днѣпра, какъ разъ противъ острова. Нами реквизированы были всѣ рыбачьи плоскодонники.

Въ помощь Л. Драгунамъ приданы были изъ Кавалергардскаго эскадрона пулеметчики съ легкими пулеметами системы Луисъ. Покуда эскадронъ готовился къ переправѣ, когда стемнѣло, изъ Каховки выплылъ на двухъ морскихъ лодкахъ Штабсъ-ротмистръ Озеровъ, по направленію къ тому-же острову. Налетъ на баржу должны были продѣлать эти двѣ лодки съ командой драгунъ и пулеметчиковъ. Въ темнотѣ, эскадронъ благополучно переправился на островъ, прошелъ по тропинкѣ сквозь густые камыши, и занявъ стрѣлковую позицію, замеръ въ ожиданіи. Приблизительно, часъ спустя, подошелъ со своими лодками Ш.-ротмистръ Озеровъ. Ночь была теплая, лунная; рѣшили подождать захода луны. Поднялся небольшой вѣтеръ въ морѣ, сильно зашелестили камыши и ивы; — ждать пришлось часа два. Когда наступила полная темнота, уставили пулеметы на носы лодокъ, Штабсъ-ротмистръ Озеровъ погрузился въ нихъ съ 20 драгунами и 4 кавалергардами пулеметчиками и тихо отчалилъ отъ берега, скрывшись немедленно въ темнотѣ. Всѣ стали напряженно прислушиваться.

Опершись спинами о стволъ большой ивы, Полковникъ Александровскій и я тихо разговаривали — прошло томительныхъ 15-20 минутъ и Александровскій, повернувшись ко мнѣ, замѣтилъ: «все благополучно», «видимо, на баржѣ никого нѣтъ, и Озеровъ сможетъ спокойно забрать тамъ, что надо».

Но скоро послышался плескъ веселъ, и изъ темноты вынырнули очертанія обѣихъ лодокъ; причалили къ берегу. Озеровъ быстро выпрыгнулъ изъ лодки и подойдя къ намъ, доложилъ Полковнику Александровскому: — «баржа занята больше-

виками, они ее разгружаютъ, ясно слышны голоса, что дѣлать?

Всѣ господа, вставъ въ кучу, начали обсуждать. Александровскій замѣтилъ, что лучше не рисковать ночнымъ боемъ; я высказалъ свое мнѣніе Александровскому, что, если мы этой ночью ничего не сдѣлаемъ, то насъ пошлютъ обратно на слѣдующую ночь и что тогда будетъ хуже, потому что большевики навѣрное узнаютъ отъ жителей села, что мы были на островѣ; островъ всего длиною какихъ нибудь 400 саженей и шириной около 250; что у большевиковъ напротивъ насъ имѣется 30 орудій, изъ которыхъ 8 тяжелыхъ, и что открывъ заградительный огонь изъ 30 орудій по маленькому острову, большевики просто уничтожатъ эскадронъ.

Александровскій, подумавъ немного, заявилъ мнѣ: «если хочешь, веди экспедицію по своему усмотрѣнію». — Я согласился. Подойдя къ драгунамъ, я замѣтилъ, что непривычная обстановка и возвращеніе лодокъ подѣйствовали на людей, и когда я тихо вызвалъ охотниковъ, произошла заминка. Наконецъ, изъ темноты ко мнѣ подошла какая-то фигура и сказала: «я, господинъ ротмистръ», затѣмъ потянулись и другіе. Отобравъ 20 человѣкъ, я сѣлъ въ лодку, въ другую сѣлъ Шт.-ротм. Озеровъ. Снова поплыли въ темнотѣ. Пришлось взять много вверхъ по теченію, такъ какъ сильно относило. Лодки шли параллельно одна другой. Чтобы не ошибиться въ темнотѣ, прошли всю длину острова вверхъ и пересѣча Днѣпръ, повернули назадъ и пошли вдоль непріятельскаго берега. Скоро мы услышали голоса, и немного спустя, сталъ очерчиваться силуэтъ баржи и замелькало нѣсколько огоньковъ отъ папиросъ большевиковъ. Гребцы

замедлили ходъ. Тогда я подалъ команду полнымъ голосомъ: — «Лодки прямо на баржу, пулеметная команда, прямо по баржѣ огонь!».

Раздался трескъ пулеметовъ, и въ эту темную ночь вспышки стрѣлявшихъ пулеметовъ рѣзко прорѣзывали въ темнотѣ огневыя полосы. Лодки въ нѣсколько маховъ долетѣли до баржи, и драгуны бросились на абордажъ.

Большевики, застигнутые въ расплохъ, не сопротивлялись, часть ихъ бросилась въ лодку и бѣжала на свой берегъ, а 9 человѣкъ сдалось; среди нихъ была женщина — мѣстная крестьянка.

Тогда мы бросились къ осмотру баржи: на палубѣ лежало большое количество германскихъ кожаныхъ подсумковъ и хомуты, — другого ничего не было. Трюмъ былъ затопленъ. Начали шарить баграми въ трюмѣ и наконецъ, зацѣпили что-то очень тяжелое. Долго тащили, и, наконецъ, выплылъ громадныхъ размѣровъ самоваръ безъ крышки. Съ досадой бросили его обратно въ воду. Надо было торопиться: оставался часъ до разсвѣта. Къ счастью, съ берега большевиковъ на нашъ огонь не отвѣчали. Наполнивъ лодки подсумками и хомутами, забравъ плѣнныхъ, отчалили отъ баржи и поплыли къ острову.

Вѣтеръ понемногу крѣпчалъ. Дойдя до острова, команда выгрузилась, и лодки быстро пошли внизъ по теченію, въ Каховку. Эскадронъ, пройдя сквозь камыши, началъ свою переправу на плоскодонникахъ. Стало свѣтать, вѣтеръ настолько окрѣпъ, что началось волненіе.

Оставшись послѣднимъ на островѣ, со взводнымъ Фоменко и двумя вольноопредѣляющимися, Васильчиковымъ и Баласъ — мы смотрѣли на пере-

праву эскадрона. Катились черныя волны съ бѣлыми гребешками, и плоскодонники запрыгали, нѣкоторыхъ стало захлестывать волной, одинъ изъ нихъ, дойдя почти до берега, началъ тонуть, шедшій рядомъ съ нимъ его вытащилъ.

Сѣвъ въ послѣдній, пустились и мы, но не дойдя до середины, къ намъ вкатилась волна и заполнила нашъ плоскодонникъ на половину; лодка чуть осѣла, и немедленно вкатилась вторая волна. Рыбакъ, сидѣвшій на веслахъ, потерялъ голову и безпомощно заколотилъ веслами; попробовали выкачивать воду — но еще одна волна, и вода намъ дошла до колѣнъ; плоскодонникъ пересталъ продвигаться впередъ, — вода все прибавлялась.

Спросивъ людей, умѣютъ-ли они плавать, получилъ въ отвѣтъ: — «никакъ нѣтъ» — стало непріятно. Взводный и оба волноопредѣляющихся подняли крикъ: «помогите, тонемъ!» Въ это время лодка, отъ которой видны были только края бортовъ, заколебалась и точно уходила изъ подъ насъ; видя, что она немедленно перевернется, приказалъ людямъ: «бросить подсумки и винтовки въ воду».

Двое впереди шедшихъ плоскодонниковъ саженяхъ въ 150 отъ нашего, увидя наше крушеніе, повернули намъ на помощь, но ждать времени не было, — плоскодонникъ медленно переворачивался. Вставъ, я приказалъ людямъ: «не жди, чтобы покрыло — прыгай въ воду!» и прыгнулъ. Вынырнувъ, я увидѣлъ четыре барахтающіяся фигуры, машущихъ руками въ воздухѣ и изступленно кричавшихъ. Теченіемъ насъ сильно разбросало другъ отъ друга. Къ счастью, плоскодонникъ, шедшій на помощь, подоспѣвалъ; крикнувъ людямъ, чтобы держались, я поплылъ къ берегу; было тяжело, тянуло

внизъ... Повернувъ голову назадъ, я увидѣлъ, какъ двоихъ вытягивали за волосы, потомъ, немного спустя, уже изъ подъ воды вытянули третью фигуру — четвертаго не было... Доплывъ до берега, вышелъ изъ воды, ко мнѣ подбѣжалъ Александровскій. Подошла лодка, изъ нее вылѣзли блѣдные Васильчиковъ и Баласъ и вынесли захлебнувшагося рыбака и стали его откачивать.

Взводный утонулъ, и тѣло его черезъ двое сутокъ выбросило на берегъ у самой Каховки.

Пошли къ своимъ подводамъ и вернулись въ свое расположеніе. Утромъ, потомъ докладываютъ Командующему полкомъ. Полковникъ Ряснянскій меня выслушалъ и заявилъ мнѣ: «не можетъ быть, что на этой баржѣ ничего нѣтъ цѣннаго, надо будетъ вамъ повторить въ эту-же ночь налетъ на баржу». Объявилъ Полковнику Ряснянскому обстановку, замѣтилъ ему, что при повтореніи операціи, эскадронъ, по всей вѣроятности, будетъ просто уничтоженъ, такъ какъ противникъ немедленно приметъ соотвѣтствующія къ тому мѣры, легко имѣющіяся у него въ распоряженіи. — Единственно чего удалось добиться отъ Командующаго Полкомъ, что ночная операція перекладывалась на двое сутокъ.

Къ счастью для насъ, не пришлось ее повторять. На вторые сутки, ночью, начался сильный обстрѣлъ Каховки и большевики стали крупными силами переправляться черезъ Днѣпръ, а рано утромъ, 18 іюня, Сводногвардейскій Кавалерійскій полкъ атаковалъ въ пѣшемъ строю переправившуюся дивизію большевиковъ въ колоніи Ключевой, близъ Каховки и отбросилъ ее въ Рининъ, понеся самъ крупныя потери.

Коптевъ.

**
*

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, при переброскѣ Гвардіи подъ Ковель, я былъ назначенъ въ Штабъ войскъ Гвардіи къ Ген. Безобразову въ мѣстечко Рожище, Волынскй губерніи. Назначенъ былъ въ отдѣлъ службы связи въ распоряженіе Нач. Штаба Ген. Гр. Игнатьева. Въ это время начались ожесточенные бои на Ковельскомъ направленіи. Наша пѣхота перешла въ наступленіе по всему фронту. Велись сильные бои съ перемѣннымъ успѣхомъ для насъ. Потери убитыми и ранеными были громадныя. Впервые, за все время войны, появилась масса германскихъ аэроплановъ. Ихъ эскадрильи дѣлали ежедневно налеты и одной изъ главныхъ задачъ было уничтожить нашъ Штабъ. Налеты совершались обыкновенно рано утромъ и пополудни, между 4-5 дня. Нашъ авіаціонный отрядъ Воеводскаго не могъ вступать съ нѣмцами въ соприкосновеніе, т. к. наши аэропланы имъ уступали какъ по качеству, такъ и по быстротѣ. Были отдѣльныя попытки атаковать отдѣльные нѣмецкіе аэропланы, но онѣ закончились для насъ неудачно. На моихъ глазахъ, нашъ аэропланъ, на которомъ наблюдателемъ былъ Шт. Ротм. Гриневъ, атаковалъ нѣмца, но послѣ короткаго пул. боя, мы увидѣли, какъ нашъ аэропланъ покачнулся на одинъ бокъ, затѣмъ загорѣлся и какъ дымящійся факелъ, упалъ. Тутъ погибъ Пор. Гриневъ.

Затѣмъ второй случай былъ, какъ изъ 8-ой Арміи Ген. Каледина (изъ Луцка) вылетѣлъ офицеръ изъ только что прибывшаго французскаго авіаціоннаго отряда навстрѣчу тремъ нѣмцамъ. Надъ самымъ Рожищемъ произошелъ бой. Картина боя была необычайно красива. Въ концѣ концовъ, нѣм-

цы француза взяли въ коробку и подбили аэропланъ, онъ воспламенился и полетѣлъ внизъ. Наша артиллерія обстрѣливать не могла, такъ какъ могла-бы подбить своего. Аппаратъ упалъ приблизительно въ верстѣ отъ Рожище. Я, помню, поскакалъ къ мѣсту катастрофы, и моимъ глазамъ представилась картина, какъ аэропланъ догоралъ. Летчики погибли. Послѣ этого, наши аэропланы не вступали въ бой съ нѣмцами. Они ограничивались только развѣдкой и, въ случаѣ появленія нѣмецкой эскадрильи, поворачивали обратно. Налеты на Рожище продолжались ежедневно. Въ то время, въ Рожищѣ была масса госпиталей, переполненныхъ ранеными, и высаживались пополненія Гв. пѣхоты. Ни одного налета не обходилось безъ потерь для насъ. Несмотря на то, что надъ госпиталями были флаги Краснаго Креста, нѣмцы бомбардировали по лазаретамъ. Наша зенитная батарея не могла оказать сопротивленія, и нѣмцы продѣлывали буквально, все, что хотѣли. Они такъ низко снижались, что видны были иногда лица летчиковъ. Ген. Безобразовъ приказалъ саперамъ построить блиндажи, чтобъ въ нихъ укрываться во время налетовъ. Каждый налетъ продолжался около часа. Въ одинъ изъ такихъ налетовъ былъ убитъ инспекторъ артиллеріи, генералъ Мамонтовъ.

31-го іюля былъ одинъ изъ самыхъ ужасающихъ налетовъ. Въ пять час. утра деньщикъ меня будитъ и говоритъ, что «летятъ». Выхожу и вижу, что, дѣйствительно, летитъ 12 штукъ. Наканунѣ былъ законченъ нашъ блиндажъ. На брустверъ было положено два рельса, камни, дерево и мѣшокъ съ пескомъ. Въ общемъ, высота нагрузки около полутора аршина. По мнѣнію саперовъ, такой блин-

дажъ могъ выдержать любую бомбардировку. Не успѣлъ войти въ блиндажъ, какъ началась бомбардировка.

Насъ собралось 12 человѣкъ, въ томъ числѣ Пор. Мусманъ, Кир. Его Вел. Полка, который возвратился изъ командировки къ себѣ въ полкъ. Я ему предложилъ у себя переночевать. Лошади мои были также въ блиндажѣ, но только безъ навѣса.

Вдругъ, страшный трескъ. Все обрушилось, чувствую, что что-то сильно давитъ... желтовато - зеленый свѣтъ... стоны вокругъ... затѣмъ дымъ разсѣивается, и вижу слѣдующее: стоитъ вкопанный полковникъ, полъ головы у него снесено и по его сѣдымъ усамъ струится кровь съ мозгами.

Стараюсь освободиться изъ подъ земли, наконецъ, это мнѣ удается и бѣгу въ сосѣднiй блиндажъ. Въ это время вижу, какъ надо мной нѣмецъ. Онъ меня замѣтилъ, и сейчасъ-же затрещалъ пулеметъ. Я успѣлъ добѣжать до сосѣдняго блиндажа, тамъ я почувствовалъ, что у меня изъ рукава что- то течетъ. Налетъ закончился. Иду въ лазаретъ, оказывается, что раненъ въ лѣвое плечо и контуженъ въ голову. Двѣ пробоины въ фуражкѣ, — голова не задѣта. Кромѣ того, узнаю отъ вѣстового что обѣ мои лошади убиты. Налетъ 31 iюля былъ самый ужасный. Убитыми и ранеными насчитывали 300 человѣкъ.

Колоссальное количество погибло лошадей. Изъ 12 человѣкъ, насъ, сидѣвшихъ въ блиндажѣ, 8 человѣкъ было убито, остальные ранены и контужены. Въ тотъ-же день меня погрузили въ санитарный поѣздъ Императрицы. Передъ отходомъ, поѣздъ подвергся преслѣдованiю и бомбардировкѣ

нѣмцевъ, которые совершали свой очередной вечерній налетъ.

Попалъ я въ госпиталь въ Царское Село въ Большой Дворецъ. Ежедневно имѣлъ счастье видѣть Императрицу и Великихъ Княженъ. По выздоровленіи, въ ноябрѣ 1916 г., принялъ маршевый эскадронъ въ Муравьевскихъ казармахъ.

Ротм. Лабудзинскій.

Нью-Іоркъ, 5 апрѣля.

«Легкая паника въ Пилькалленѣ»
«тогда-то» (Дату знаете Вы).

Кажется, дѣло принимаетъ серьезный оборотъ: мы расходимся на интервалѣ и вотъ, сейчасъ будемъ строить фронтъ. Неужели атака?

Направленіе на окраину города Пилькаллена. Тутъ и тамъ, передъ нами маячатъ и ускакиваютъ единичные всадники, прусскіе конно - егеря.

Передъ моимъ эскадрономъ, изъ кустовъ, съ веселымъ ржаньемъ появляется нашъ драгунскій конь. Передняя нога его коротка и болтается впередъ и назадъ, сѣдло съѣхало на бокъ, поводья разорваны. Это одна изъ жертвъ разъѣзда, высланнаго еще наканунѣ. Такъ и прискакало, на трехъ ногахъ, бѣдное животное вмѣстѣ съ нами въ Пилькалленъ.

Противника нѣтъ. Онъ скрылся.

Мы возбуждены, мы взволнованы. Мы сейчасъ войдемъ въ городъ. Война еще только началась. Мы еще полны силъ, здоровья и энергіи. Все такъ ново, такъ интересно! Полкъ за полкомъ, въ походной колоннѣ, втягиваемся мы въ улицы города. Рядомъ

со мной ѣдетъ старшій офицеръ; мы дѣлимся впечатлѣніями послѣднихъ минутъ.

Передъ нами чистенькій нѣмецкій городокъ, такой мирный, такой уютный. Но онъ вымеръ — нигдѣ не видно ни одного жителя. Мнѣ кажется это страннымъ. Неужели всѣ убѣжали? Мое вниманіе привлекаютъ окна, — почему - то всѣ шторныя жалюзи спущены, но нѣкоторыя не до конца.

Это меня безсознательно тревожитъ. Я тихо отдаю, назадъ, приказаніе: «первымъ и третьимъ номерамъ взять винтовки на бедро и смотрѣть въ оба». Мой офицеръ строитъ ироническую физіономію — «ужъ ты всегда выдумаешь что нибудь», ворчитъ онъ. Чувство безпокойства меня не покидаетъ.

Наконецъ, мы продвинулись до центра города, до площади, на которой сошлись всѣ Командиры отдѣльныхъ частей и высшее начальство. Всѣ улицы густо заняты спѣшенными людьми, лошадьми, орудіями, пулеметами. Весь городъ нафаршированъ нашимъ Коннымъ Корпусомъ. Начальникъ Штаба нашей дивизіи отдалъ распоряженіе о размѣщеніи на ночлегъ и указалъ районы расположенія полковъ.

Ясно, что весь корпусъ размѣститься въ городѣ не можетъ, но всѣ этого хотятъ. Я быстро соображаю все и иду къ Командиру полка. «Ваше Сіятельство, всѣ мы тутъ не помѣстимся, разрѣшите мнѣ уйти за городъ?» — «Хорошо, Бендерскій! Вы помните, когда мы подходили къ Пилькаллену, слѣва отъ дороги былъ виденъ большой хуторъ? Ну, такъ я его вамъ дарю, съ Богомъ!» — «Покорно благодарю, В. С.» — «6-ой эскадронъ, къ коня-я-мъ! Садись! Шагомъ, маарш!» Пошли... У моихъ офи-

церовъ вытянутыя, обиженныя лица. Слышу шипѣніе: «... и чего онъ самъ лѣзетъ. Мы-бы, можетъ быть, остались въ городѣ...».

Я, конечно, ихъ понимаю: чистая, большая комната, широкая, удобная кровать, можетъ быть, даже двуспальная, какихъ нибудь добродѣтельныхъ нѣмцевъ, не пустой буфетъ, и пр.... но... осторожность прежде всего.

Выходимъ изъ города и направляемся на указанный хуторъ. На душѣ у меня становится легко. Здѣсь, въ полѣ, я хозяинъ положенія, а въ этой мышеловкѣ, изъ которой мы вышли — слуга покорный! Вотъ мы и у цѣли. «Стой! Слѣзай! По два драгуна отъ взвода ко мнѣ!». Это я всегда самъ расквартировываю эскадронъ и осматриваю всѣ постройки, всѣ закоулки, нѣтъ-ли гдѣ запрятанныхъ нѣмецкихъ солдатъ, нѣтъ-ли засады. Осматриваемъ хуторъ, вытаскиваемъ изъ погребовъ и шкафовъ вина и спиртъ. Приказываю все это на моихъ глазахъ разбить и вылить. Со вздохами сожалѣнія колотятъ солдатики бутылки. Ничего не подѣлаешь, горькій опытъ недавнихъ дней научилъ поступать такъ.

Ну, все кончено, можно вести людей... Вдругъ я слышу яростную перестрѣлку. Бѣжимъ къ эскадрону. Мой стр. офицеръ уже разсыпалъ стрѣлковую цѣпь фронтомъ на Пилькалленъ, въ воздухѣ поютъ пули. «Что за чортъ? Въ чемъ дѣло?» — «Не могу знать, пальба въ городѣ. Я на всякій случай разсыпалъ цѣпь».

Пальба все усиливается, видно, какъ изъ горорода въ одиночку и пачками выскакиваютъ конные люди, бѣгутъ пѣшіе, иногда видно, что по два сидятъ на одной лошади. Ничего не понять!

— «Корнетъ Литвиновъ! Возьмите пять человѣкъ изъ 1-го взвода, идите къ городу, выясните, въ чемъ дѣло». Разъѣздъ ускакалъ.

Въ это время, въ полномъ порядкѣ, по дорогѣ къ хутору, широкой рысью идетъ конная батарея. — Обидно, что я забылъ, кто былъ Командиръ, кажется, Веліо (??), или, можетъ быть, это моя выдумка. — Командиръ батареи подъѣзжаетъ ко мнѣ. «Что случилось?», спрашиваю я. — «Не знаю, я еще не нашелъ мѣста для батареи, и мои люди стояли всѣ при осѣдланныхъ лошадяхъ, уносы при орудіяхъ. Поднялась стрѣльба. Говорятъ, что это нѣмецъ пріѣхалъ по ж. д. и вышибаетъ насъ изъ города. Я поторопился вывести батарею изъ города». — «Вотъ и хорошо», говорю я, «вы съ батареей, я съ эскадрономъ, все-же боевая единица, останемся вмѣстѣ! Я послалъ разъѣздъ, онъ, вѣроятно, все намъ выяснитъ». Между тѣмъ, ружейная пальба стала какъ-бы затихать, но за то мы услышали нѣсколько безпорядочныхъ орудійныхъ выстрѣловъ.

Возвращается Корнетъ Литвиновъ и докладываетъ, что въ нѣсколькихъ домахъ засѣли нѣмцы, и когда части стали расходиться по дворамъ, открыли пальбу изъ оконъ. Сейчасъ порядокъ возстанавливается. Сначала, было, всѣхъ захватила паника, но скоро сообразили въ чемъ дѣло и пошли на штурмъ домовъ, гдѣ засѣли стрѣлки. Одинъ упорный домъ пришлось нашимъ коннымъ саперамъ подорвать. Теперь все кончено.

Я повелъ свой эскадронъ на хуторъ и написалъ Ком. Полка донесеніе о своемъ расположеніи и вложилъ въ конвертъ еще одинъ листочекъ, на которомъ написалъ, что у насъ мѣста сколько угод-

но, и, если въ Пилькалленѣ ему не нравится, то милости просимъ къ намъ, со Штабомъ.

Не прошло и часу времени, и я какъ радушный хозяинъ встрѣчалъ Командира со Штабомъ. Всѣ отлично устроились, всѣмъ хватило мѣста, хотя спать пришлось на полу и на соломѣ. Теперь я проявилъ скверныя черты своего характера и въ свою очередь шипѣлъ и своимъ и штабнымъ офицерамъ: «и чего вы пришли сюда? Въ Пилькалленѣ такъ хорошо и удобно! А?

А. Бендерскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ

IMPRIMERIE PASCAL
13, Rue Pascal, PARIS

Складъ изданія:

Книжный магазинъ Е. Сіяльской.

2, Rue Pierre-le-Grand
PARIS (8ᵉ)